

Как вернуть себя и не убить врага

Марина Исайр

Марина Исайр

Как вернуть себя и не убить врага

«Литнет»

2026

Исайр М.

Как вернуть себя и не убить врага / М. Исайр — «Литнет», 2026

— НОКВЕЙН, Я ТЕБЯ УБЬЮ! Кричать подобное голосом самого Ноквейна — не лучший способ начать утро. Аманта Люмьерн уверена, что в сорванном обряде виноват наследник Тёмной Башни. Кирон Ноквейн не сомневается: без Светлых не обошлось. Но обвинять врага становится сложнее, когда она просыпается в его теле, а он — в её. До повторного обряда остаётся семь дней. Им придётся обмануть собственные семьи, справиться с чужими обязанностями и доверить противнику самое ценное — свою жизнь. С каждым днём привычная правда трещит всё сильнее, а старые обвинения начинают выглядеть слишком удобными.

© Исайр М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Чужое утро	5
Глава 2. Ами, ты странная	9
Глава 3. Чаша и ответственность	14
Глава 4. Чужие обязанности	22
Глава 5. Договор двух врагов	27
Глава 6. Как быть врагом	33
Глава 7. Угроза с небес	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1. Чужое утро

Я проснулась раньше обычного и несколько секунд лежала, не открывая глаз. Вставать не хотелось совсем. После вчерашнего обряда все тело ныло от усталости, а стоило вспомнить святилище, как перед глазами возникло злое лицо Кирона Ноквейна. Я поспешно отогнала неприятные мысли, села, потянулась и, не открывая глаз, пошла к купальне.

Пять шагов вперед, еще один немного вправо – за столько лет я научилась проходить по собственной спальне почти не просыпаясь. Ладонь привычно потянулась к ручке, но пальцы коснулись холодного камня. Я провела рукой выше, затем ниже, отступила на полшага и попробовала снова, уверенная, что спросонья ошиблась с направлением. Дверь должна была находиться передо мной, однако под пальцами оставалась ровная стена. Несколько секунд я продолжала искать ручку, пытаюсь совместить происходящее с привычным устройством комнаты, после чего все же открыла глаза и увидела темную каменную кладку. На стене висел узкий гобелен с вышитой серебряными нитями башней.

Я обернулась и застыла, глядя на незнакомую спальню. Тяжелые шторы закрывали высокие окна, возле погасшего камина стояли два кресла, на одном из которых лежал черный сюртук. На письменном столе возвышались аккуратные стопки бумаг, рядом поблескивали чернильница, нож для писем и, кажется, печать с гербом Темной Башни, но самое ужасное здесь не было ничего моего.

– И где я? – выдохнула я, и собственный голос заставил резко повернуться. За спиной никого не было.

Я снова произнесла несколько бессвязных звуков. Голос шел из моего горла, хотя принадлежать мне никак не мог. Сомневаясь в своей адекватности подняла ладонь, но обнаружила вместо своих длинные пальцы с выступающими костяшками, тонкие шрамы и тяжелое черное кольцо на мизинце. Ниже виднелись распахнутая мужская рубашка и широкая грудь. От шока я отступила к стене и вцепилась в гобелен.

Мне срочно требовалось зеркало. Я дернула ближайшую дверь и влетела в гардеробную. Темные сюртуки качнулись на вешалках, под ними ровным рядом блестели начищенные сапоги. Зеркала не было. Я захлопнула дверь, тут же снова потянула ее на себя и лишь тогда поняла, что открываю ту же самую.

– Да где же оно?!

Выругавшись, я бросилась к следующей двери. И оказалась в небольшом будуаре с туалетным столиком и высокой черной рамой у стены. В отражении уже стояла мужская фигура, но лицо скрывала тень от задернутых штор.

Я рванула штору. Кольца со скрипом прошли по карнизу, и будуар залило утренним светом. В зеркале отражался Кирон Ноквейн.

Его темные волосы после сна падали на лоб, серые глаза казались почти черными из-за расширенных зрачков, а по левой брови проходил тонкий шрам. Я видела Кирона на городских церемониях и собраниях Хранителей, но всегда издали. Вчера мы впервые оказались достаточно близко, чтобы я разглядела холодное выражение его лица и раздражение во взгляде. Теперь же надменность исчезла. Лицо Ноквейна отражало мой ужас.

Я поднесла руки к щекам, и мужчина в зеркале повторил движение. Пальцы прошли по скулам, подбородку, губам, волосам – ни края иллюзии, ни магической нити. Я ущипнула себя за щеку. Ничего не изменилось.

– Нет... Нет, нет, – прошептала я, не отрывая взгляда от зеркала. – Этого не может быть. Просто невозможно.

Воспоминания о вчерашнем вечере вернулись беспорядочными вспышками: залитое светом святилище, древняя Чаша между нами, ладонь Кирона над темными печатями и его злой голос.

– Все устроил Ноквейн, – произнесла я, глядя в серые глаза своего отражения и сжимая чужие кулаки. – Уверена, виноват он.

Выбежав из будуара, я пронеслась через гардеробную и остановилась посреди спальни, и вдруг осознала, что если я проснулась в теле Кирона, он мог сейчас находиться в моем.

– НОКВЕЙН! Я УБЬЮ ТЕБЯ!

Крик заставил задрожать стекла. По каменным стенам пробежали серебряные линии, над погасшим камином вспыхнул герб Темной Башни, и в глубине здания отозвался низкий магический сигнал. Дверь неожиданно распахнулась, и в комнату вошел высокий мужчина в застегнутом на все пуговицы темно-синем сюртуке. Серебро уже тронуло его виски, но двигался он все еще быстро и уверенно. В правой руке мужчина держал короткий меч, на пальце левой поблескивало массивное кольцо с прозрачным камнем.

Передо мной стоял Рекард Верт, наставник Кирона. Он редко появлялся на общих собраниях, но вчера находился среди представителей Темной Башни в святилище. Следом за ним в коридоре показались двое стражей, и Рекард остановил их движением руки.

– Оставайтесь снаружи, – приказал он, внимательно осматривая комнату.

– Господин Верт, мы слышали крик, – напомнил один из стражей, положив ладонь на рукоять меча.

– Его слышала половина западного квартала, – сухо отозвался наставник. – Если наследнику понадобится помощь в совершении обещанного убийства, я позову Вас первым.

Дождавшись, когда стражи отойдут, Рекард закрыл дверь и провел ладонью вдоль косяка. Серебряная печать скользнула по дереву, запирая комнату и не выпуская звуки в коридор. Затем он убрал меч в ножны, остановился напротив меня и сложил руки на груди.

– Кого Вы собрались убить, Кирон? – спросил Рекард, наблюдая за моим лицом.

Я едва не назвала имя его ученика, но вовремя остановилась. Признаться Ноквейну, что в теле их наследника находится Аманта Люмьерн, значило отдать себя Темной Башне. Сначала нужно было выиграть время и понять, кому здесь можно доверять.

Я заставила себя выпрямиться и постаралась придать чужому лицу холодное выражение.

– Никого. Слова вырвались после дурного сна.

– Вы кричали собственную фамилию и обещали себя убить, – напомнил Рекард, не меняя позы. – Настолько страшный сон Вам раньше не снился.

– Вчерашний обряд закончился неудачно, – ответила я, старательно подражая сдержанному голосу Кирона. – Видимо, воспоминания вернулись во сне.

Рекард ненадолго замолчал. Его взгляд скользнул по моим босым ногам, распахнутой рубашке и растрепанным волосам, а потом снова остановился на лице.

– Почему Вы не завершили ритуал?

– Люмьерн сорвала обряд, – ответила я, стараясь говорить с холодной уверенностью Кирона. – Я лишь пытался остановить ее.

– Значит, виновата только Аманта? – уточнил наставник, не проявляя ни удивления, ни возмущения.

– Спросите ее, когда встретите. Возможно, у Люмьерн найдется другое объяснение.

Рекард слегка наклонил голову и промолчал.

– Что я сказал Вам перед отъездом в святилище?

Я не могла знать, разговаривали ли они перед обрядом, но молчание выдало бы меня быстрее неправильного ответа.

– Вы предупредили, чтобы я не доверял Люмьернам и следил за их действиями возле Чаши.

Рекард ничего не ответил. Его глаза на мгновение опустились к левой руке, лежавшей поверх правой. На пальце поблескивало массивное кольцо с прозрачным камнем, почти полностью скрытое рукавом. До сих пор я не обращала на украшение внимания, но теперь заметила, что наставник смотрит именно на него.

Когда Рекард снова поднял глаза, выражение его лица стало жестче.

– Вы солгали о сне, о причине срыва обряда и о нашем вчерашнем разговоре.

Я продолжила изображать непонимание.

– Почему Вы решили, что я лгу?

Рекард разомкнул руки и показал кольцо. Тонкие знаки на серебряной оправе окружали прозрачный камень, внутри которого медленно угасал красный свет.

– Знаете что это? – спросил он.

Я видела изображение подобного артефакта в старом каталоге Светлой Башни, но прежде никогда не встречала его владельца.

– Кольцо правды, – произнесла я.

– Именно. – Рекард снова сложил руки на груди. – Я не знаю, кто находится передо мной и почему пользуется телом Кирона, и поэтому предлагаю выбор: Вы называете настоящее имя и честно рассказываете все, что помните, либо я открываю дверь и зову Хранителей Темной Башни. Они сами выяснят, куда исчез мой ученик.

За дверью послышались шаги стражей. После насильственного изгнания возвращаться могло оказаться уже некуда, поэтому я перестала изображать Кирона и посмотрела Рекарду в глаза.

– Меня зовут Аманта Люмьерн.

Наставник опустил взгляд на кольцо. Прозрачный камень наполнился ровным белым сиянием, и спокойное выражение Рекарда наконец дрогнуло.

– Повторите свое имя, – потребовал он, размыкая руки.

– Я Аманта Люмьерн, наследница Светлой Башни. Вчера я пришла в святилище для ежегодного обряда, а сегодня проснулась в теле Кирона. Я не знаю, как произошел перенос, и не знаю, где находится Ваш ученик.

Рекард продолжил проверку, спросив, добровольно ли я заняла тело Кирона и пыталась ли намеренно причинить ему вред во время обряда. Я ответила отрицательно и рассказала лишь то, в чем была уверена: мы начали спорить, потеряли контроль, а затем разошлись, не завершив ритуал. Наставник выслушал мои ответы, но окончательно успокоился только после последнего вопроса.

– Вы знаете, где находится Кирон? – спросил он, внимательно следя за камнем.

– Нет. Я не знаю, где он проснулся и что с ним произошло. Не знаю даже, состоялся ли обмен или его сознание осталось в этом теле вместе со мной.

Белое сияние не менялось. Рука Рекарда больше не тянулась к оружию.

– Теперь Вы мне верите? – спросила я, не отрывая от него взгляда.

– Я верю, что передо мной Аманта Люмьерн и она сама не понимает, как оказалась в теле Кирона, – ответил Рекард. – Однако начало разговора получилось неудачным. Вы солгали мне несколько раз, а перед тем пообещали убить моего ученика.

Я отвернулась к окну. За крышами западных кварталов лежала Середина – огромная человеческая часть Вестана, разделявшая владения двух семей. Еще дальше, на востоке, возвышалась Светлая Башня. Всю жизнь я смотрела оттуда на темный силуэт на другом конце города, но никогда не была внутри него. Теперь я впервые видела родной дом из окон Ноквейна.

– Если мое сознание оказалось здесь после обряда, Кирон мог проснуться в моем теле, – произнесла я, всматриваясь в далекую Светлую Башню. – Другого объяснения пока нет.

– Такой вариант нельзя исключать, – осторожно согласился Рекард и подошел к окну, сохраняя, между нами, несколько шагов. – Однако сначала нужно найти Кирона и убедиться,

что произошел именно обмен. Мы не знаем, кто вызвал перемещение и связано ли оно напрямую с незавершенным ритуалом.

При мысли о Кироне в моем теле перед глазами сразу возникла Эли. По утрам сестра часто прибегала раньше служанок, забиралась под одеяло и устраивалась рядом, пока я окончательно не проснусь. Если Ноквейн открыл глаза в моей спальне, девочка могла оказаться первым человеком, которого он увидел.

– Там моя семья, – произнесла я и направилась к двери. – Мне нужно немедленно вернуться.

Рекард преградил путь.

– Подумайте, кого увидит первый дозорный Светлой Башни. Для него Вы будете Кироном Ноквейном, проникшим во владения Люмьернов сразу после сорванного обряда.

– Вы можете пойти со мной и подтвердить мои слова, – возразила я, указывая на кольцо.

– Разумеется, Люмьерны непременно поверят наставнику Кирона и принадлежащему ему темному артефакту, – сухо ответил Рекард. – Если Вас схватят, Ноквейны решат, что наследника удерживают в плену. Ни одна сторона не станет спокойно ждать объяснений.

Я хотела возразить, но слишком хорошо знала собственную семью. Отец сначала закроет переходы между районами, старший брат поднимет Хранителей, а вопросы начнут задавать только после того, как Кирон окажется связан светлыми печатями. Ноквейны ответят тем же. Двух наследников, исчезнувших сразу после незавершенного обряда, хватит для открытого столкновения.

– Что вы предлагаете? – спросила я, заставляя себя отойти от двери.

– Сохранить произошедшее в тайне, пока мы не найдем Кирона и не поймем природу перемещения. Я отправлю надежного человека в Середину и попытаюсь получить сведения о Светлой Башне, не привлекая внимания. Вы останетесь здесь и постараетесь больше не кричать угрозы и не выдавать себя.

– Если Кирон находится в моем теле, долго скрывать подмену он не сможет. Моя семья заметит перемены.

– Тогда будем надеяться, что Ваш противник способен хотя бы несколько часов изображать благоразумного человека.

В дверь постучали. Три ровных удара прозвучали настолько близко, что я невольно обернулась.

– Господин Кирон, – сообщил мужчина из коридора. – Ваш отец ожидает Вас в малой зале. Утренний отчет начнется через четверть часа.

Рекард снял с кресла черный сюртук и протянул его мне. Избежать встречи не получится.

– Скажите, что Кирон заболел, – потребовала я, не принимая одежду.

– Наследник Ноквейнов не пропускал отчеты по болезни с девяти лет. Его отец немедленно пришлет лекаря, а тот может обнаружить в теле Кирона следы чужой силы.

– Тогда придумайте другую причину. Вы знаете его одиннадцать лет.

– Поэтому прекрасно понимаю, что ни одна причина не покажется убедительной.

Он вложил сюртук мне в руки и направился к двери. Не успел Рекард снять запирающую печать, как Темная Башня подала сигнал: короткий импульс, следом протяжный и низкий. Серебряные линии на стенах дрогнули и погасли.

Рекард замер, прислушиваясь. Все спокойствие исчезло с его лица.

– Что означает такой сигнал? – спросила я, крепче сжимая сюртук.

– Нарушение верхней границы. Пока небольшое, но вчера Башня не подавала предупреждений.

– Возможно последствия вашей ссоры начались раньше, чем мы ожидали.

Глава 2. Ами, ты странная

Дверь распахнулась без стука, по комнате протопали быстрые босые ноги, а через мгновение матрас прогнулся рядом со мной. Я проснулся оттого, что кто-то потянул одеяло вниз, и по привычке сунул руку под подушку в поисках кинжала. Пальцы встретили лишь мягкую ткань. Оружия не было, спальня пахла цветами вместо привычного дыма, а возле кровати стояла маленькая девочка в светлой ночной сорочке. Каштановые волосы спутались после сна, на одной щеке отпечаталась складка от подушки, большие карие глаза смотрели на меня с нетерпеливым ожиданием.

– Ами, вставай, – потребовала девочка, снова потянув одеяло. – Ты обещала проснуться до рассветного сигнала.

Я резко сел и уставился на нее, пытаюсь понять, почему ребенок находится в моей комнате и кого она называет Ами. Девочка перестала улыбаться и отступила от кровати, а я только тогда заметил, что комната совершенно не похожа на мои покои. За распахнутыми шторами занимался ясный рассвет, светлые стены украшала резьба в форме переплетенных ветвей, возле окон стояли горшки с цветами, а над камином висел большой семейный портрет. В центре находилась Аманта Люмьерн, рядом с ней – родители, старший брат, пожилая женщина и та самая девочка, которая сейчас смотрела на меня с растущим беспокойством.

– Ами, почему ты так на меня смотришь? – спросила она и осторожно коснулась края одеяла.

Я хотел потребовать объяснений, но из моего горла вырвался женский голос. От неожиданности я оборвал фразу, провел ладонью по шее и увидел узкую кисть с тонкими пальцами. На запястье блестел золотой браслет, украшенный знаком Светлой Башни. Длинные светлые волосы упали на лицо, когда я наклонил голову, и пришлось отбросить их за спину непривычным движением.

Комната, портрет и обращение девочки не оставляли сомнений: я находился в доме Люмьернов – в теле Аманты.

Я не знал, как подобное могло произойти. Переселение сознания считалось невозможным, как и превращение одного тела в другое. Ни одна известная мне печать не обладала такой силой. Последним ясным воспоминанием оставался вчерашний обряд: Аманта напротив меня, столкнувшиеся потоки, трещина между знаками и свет, ударивший в лицо. Потом мы разошлись, не завершив ритуал, и каждый вернулся в свою часть города.

Если обмен оказался взаимным, Аманта могла проснуться в доме Ноквейнов, рядом с моими родителями и Рекардом.

Поднять тревогу значило отдать себя светлым печатям. Сначала нужно сохранить свободу и связаться с Темной Башней.

Судя по портрету, передо мной находилась младшая сестра Аманты. Имя я тоже вроде вспомнил: Эли, пять лет. На городских церемониях она обычно держалась рядом с бабушкой и почти не отходила от старшей сестры. О семейных отношениях Люмьернов я знал мало, но ребенок явно привык приходить сюда каждое утро.

– Мне приснился дурной сон, Эли, – произнес я, надеясь, что не ошибся с именем. – Ты вошла неожиданно, поэтому я не сразу поняла, что происходит.

Девочка всмотрелась в мое лицо, снова забралась на кровать и потянула одеяло на себя.

– Тогда я полежу с тобой, пока ты не перестанешь бояться, – объявила Эли, придвигаясь ближе.

Я отодвинулся прежде, чем успел скрыть реакцию. В доме Ноквейнов дети не входили в спальни взрослых без разрешения, не забирались к ним под одеяло и тем более не предлагали

утешение. Мои покои даже слуги переступали только после стука. Эли же вела себя так, словно обладала полным правом занимать половину постели Аманты.

– Тебе следует вернуться в свою комнату, – сказал я, решив, что спокойная просьба прозвучит достаточно естественно.

– Но я всегда прихожу к тебе утром, – возразила девочка, прижимая одеяло к груди. – Ты сама разрешила.

– Сегодня мне нужно побыть одной и привести мысли в порядок.

– Ты можешь думать вместе со мной.

Эли не понимала, почему сестра внезапно хочет от нее избавиться. Если я продолжу настаивать, она уйдет обиженной и расскажет семье о странностях Аманты.

Пришлось остаться. Эли придвинулась, положила голову мне на плечо и обхватила рукой поперек живота. Что было для меня довольно непривычно.

– Почему ты меня не обнимаешь? – спросила Эли, не поднимая головы.

Я неловко положил ладонь ей на спину.

– Просто еще не проснулась.

– Ты сегодня все делаешь как-то медленно, – заметила она и немного отстранилась. – И смотришь сердито.

– Я всегда так смотрю.

– Нет, – уверенно возразила Эли.

– Тебе показалось, – ответил я, стараясь не проявить раздражения. – А теперь иди умывайся. Я скоро спущусь к завтраку.

Эли неохотно выбралась из постели и направилась к двери, но возле порога остановилась.

– А птичка? – напомнила она, повернувшись ко мне.

– Какая птичка? – спросил я и тут же понял, что допустил очередную ошибку.

Девочка нахмурилась.

– Моя р-розовенькая, чтобы проводить меня, как всегда, – протянула Эли, слегка картавя, и нетерпеливо подставила ладошки. – Ты же обещала, Ами.

Я понятия не имел, как Аманта создавала светлых птиц и зачем тратила силу на детские забавы. Попытка повторить неизвестное заклинание могла закончиться последствиями.

– Сегодня птички не будет, – произнес я, стараясь придать ответу вид окончательного решения. – После вчерашнего обряда мне нужно беречь силу.

Эли опустила голову, но спорить не стала.

– Хорошо. Только ты все равно странная, Ами.

Она вышла, оставив дверь приоткрытой. Я запер ее на ключ.

Я подошел к зеркалу. Из отражения смотрела Аманта Люмьерн – тонкая, бледная, с длинными русыми волосами и большими карими глазами. Я провел пальцами по щеке, коснулся волос и сжал чужое запястье, но не нашел ни одного признака иллюзии.

– Что ты сделала, Люмьерн? – спросил я отражение. – И где мое тело?

Ответа не последовало. Я попытался призвать темную силу, но привычного холода не почувствовал. Вместо него по рукам разлилось тепло, а между пальцами вспыхнула золотистая нить. Она дрогнула, на мгновение сложилась в очертания крыла и рассыпалась светлыми искрами.

Магия Аманты тоже осталась в ее теле. Значит, Люмьерн могла получить доступ к моей силе.

От такой мысли захотелось немедленно покинуть Светлую Башню, пересечь Середину и добраться до дома Ноквейнов. Однако добраться до Темной Башни в теле Аманты не получится. После сорванного обряда светлую наследницу остановят еще на подходе к владениям.

Нужно было связаться с Рекардом. До разговора с ним оставалось скрывать правду и изображать наследницу Люмьернов.

Стук застал меня врасплох. В комнату вошла молодая служанка. Она почтительно склонила голову, но сразу посмотрела на запертую дверь и разбросанное одеяло.

– Доброе утро, леди Аманта, – произнесла она, доставая наряды из гардероба. – Госпожа Эли сказала, что Вы уже проснулись и чувствуете себя неважно.

Девочка успела поделиться наблюдениями. Я подавил раздражение и попытался вспомнить, как Аманта разговаривала со слугами.

– Вчерашний обряд оказался тяжелым, но со мной все в порядке.

– Какое платье желаете надеть к завтраку?

Я посмотрел на разложенную одежду. Платья отличались оттенками, вышивкой и количеством застёжек, но ни одно не казалось удобным.

– Выберите сами.

– Обычно Вы не позволяете, – удивленно сказала она.

Окружающие знали не только голос и лицо Аманты, но и сотни мелких привычек.

– Сегодня мне не хочется тратить время на выбор, – пояснил я, стараясь говорить без раздражения. – Возьмите то, которое подходит для моих утренних обязанностей.

– После завтрака назначен осмотр нижних печатей, – напомнила служанка и выбрала темно-зеленое платье с золотыми знаками на поясе. – Возможно, господин Люмьерн изменит распоряжение из-за... вчерашнего происшествия, – добавила она, запнувшись и опустив взгляд.

Я кивнул, будто помнил расписание, и позволил служанке помочь с одеждой и волосами. Свободно уйти к Темной Башне не получится; сообщение Рекарду придется передать через Середину.

Когда служанка закончила, в зеркале предстала безупречно одетая наследница Светлой Башни. Выдавали меня лишь непривычно прямая спина, застывшее лицо и руки, которые я по привычке сцепил за спиной.

– В какое время семья собирается за столом? – спросил я, притворившись, что хочу про- верить, не опоздал ли.

– Через несколько минут, леди Аманта.

Ответ означал, что времени на поиски тайного выхода не осталось. Придется встретиться с семьей Люмьернов, сохранить роль Аманты и выяснить, что она успела рассказать им после возвращения из святилища.

Светлая столовая выходила окнами в сад. Ренар Люмьерн, отец Аманты, сидел во главе длинного стола; рядом находились Лиора, ее мать, и старший брат. Бабушка заняла место напротив свободного кресла, а Эли, уже одетая в голубое платье, болтала ногами и крошила хлеб в чашку с молоком. При моем появлении разговоры стихли. Я почувствовал на себе четыре внимательных взгляда и один восторженный – Эли явно обрадовалась, что странная сестра все-таки пришла.

– Ты почти не спала, – заметила мать, когда я занял свободное место. – После возвращения из святилища нужно было принять успокаивающий настой.

– Со мной все в порядке, – ответил я, взяв чашку и не притронувшись к еде.

Отец отложил лежавший возле тарелки документ.

– Вчера ты потребовала немедленно направить совету обвинение против Ноквейнов. Я приостановил письмо до утра, чтобы ты успела успокоиться. Ты по-прежнему утверждаешь, что Кирон намеренно сорвал ритуал?

Теперь я понял, что именно Аманта рассказала семье вечером. Она обвинила меня в случившемся и уже пыталась начать официальное разбирательство.

Так... Подтвердить ее слова – значит дать Светлой Башне повод выступить против Ноквейнов. Отказаться слишком резко – заставить семью Аманты присмотреться ко мне вни-

мательнее. Сослаться на усталость после обряда? Не поверят. Промолчать? Тоже, наверно, не то.

– Письмо пока не отправляйте, – произнес я в итоге. – У нас нет доказательств умысла. Старший брат Аманты, Леандр, нахмурился и подался вперед.

– Вчера ты уверяла, что Ноквейн намеренно сорвал обряд, – напомнил он. – Теперь предлагаешь подождать?

– Вчера я была зла и сделала вывод раньше, чем появились доказательства, поэтому сначала нужно понять, что произошло в святилище, а потом выдвигать обвинения.

– Ты что защищаешь этих темных? – спросил брат, и недоверие в его голосе стало почти открытым.

– Я защищаю Светлую Башню от решения, которое может привести к конфликту без доказательств, – отрезал я, позволив раздражению прозвучать в голосе. – Вина Ноквейна никуда не денется, если доказательства действительно есть. А бросаться обвинениями без них – лучший способ выставить Люмьернов дураками.

Ответ заставил брата замолчать. Отец продолжал смотреть на меня, оценивая перемену, мать встревоженно сжала чашку, а бабушка не сводила глаз с моих рук. Она наблюдала за каждым движением, словно пыталась найти объяснение непривычной осторожности внучки.

– Одна ночь сделала тебя удивительно рассудительной, – произнесла бабушка и неторопливо размешала чай. – Вчера ты не желала слышать ни одного возражения.

– Значит, ночь прошла не зря.

Эли, не заметив напряжения, потянула меня за рукав.

– Сегодня Ами странная, – сообщила она и повернулась к матери. – Она не хотела меня обнимать, забыла про светлую птичку и смотрела как злючка.

За столом наступила тишина. Я заставил себя не отдергивать руку и накрыл пальцы Эли ладонью.

– Мне приснился дурной сон, а Эли решила, что знает о моем состоянии больше меня, – объяснил я, обращаясь ко всей семье. – Небольшая растерянность после вчерашнего.

– Конечно, дитя, – мягко согласилась бабушка. – Только постарайся не растеряться и во время проверки нижней границы.

Отец снова взял документ, словно решил пока оставить странности без внимания.

– Все верно, осмотр никто не отменял. Ночью Хранители заметили колебания на четвертом уровне. После незавершенного обряда мы обязаны усилить наблюдение, поэтому ты спустишься к нижним печатам сразу после завтрака.

Отказаться я не мог. Настоящая Аманта знала свои обязанности и не стала бы искать повод избежать проверки. Если я хочу сохранить свободу до связи с Рекардом, придется выполнять ее обязанности убедительно, но знать бы как.

– Хорошо, – согласился я. – После проверки хочу осмотреть святилище.

Просьба имела сразу две цели. Святилище находилось в Середине, между Башнями. Оттуда я смогу передать сообщение Рекарду или встретиться с ним, если он тоже начнет искать объяснение случившемуся. Отец Аманты не обязан был знать о моем настоящем намерении.

– Сначала нижняя граница, – решил он. – К разговору о святилище вернемся после отчета Хранителей.

Я кивнул и впервые с момента пробуждения почувствовал, что начинаю понимать, как действовать дальше.

До связи с Рекардом мне предстояло пережить завтрак и проверку нижних печатей.

В глубине Светлой Башни прошел низкий тревожный импульс. Задрожали стекла. Отец резко поднялся, старший брат отодвинул кресло, а в коридоре послышались торопливые шаги. Дверь распахнулась, и в столовую вошел мужчина в светлом плаще Хранителя.

– Простите, господин Люмьерн, – произнес он, тяжело дыша. – Нижняя граница снова откликнулась. Колебания на четвертом уровне усиливаются.

Отец посмотрел на меня.

– Аманта, отправляйся вниз. Немедленно.

Эли сильнее сжала мою руку, а на ее лице появился настоящий страх.

– Ты вернешься, Ами? – спросила она, прижимаясь к моему плечу.

Я не знал, что ждет под Светлой Башней и как управлять силой женщины, в теле которой оказался. Не представлял, какие действия должна выполнить Аманта и сколько Хранителей будут наблюдать за каждым моим движением. Однако отказ разрушил бы весь план раньше, чем я успею сделать первый шаг.

– Вернусь, – пообещал я, осторожно освобождая руку. – Дождись меня наверху.

До разговора с Рекардом мне стоит сохранить свободу и не выдать подмену светлым, поэтому я поднялся из-за стола и пошел следом за Хранителем.

Глава 3. Чаша и ответственность

За день до обмена

Аманта

Тем утром я еще проснулась в собственной постели и была уверена, что худшей частью дня станет встреча с Кироном Ноквейном у Чаши. До обряда оставалось несколько часов, которые я собиралась провести за обычной проверкой нижних печатей, но спокойно закончить обход мне не позволили.

Тревожный сигнал прозвучал, когда я находилась на лестнице между третьим и четвертым подземными уровнями. Камень под ногами содрогнулся, золотые линии на стенах погасли одна за другой, а снизу донесся грохот, похожий на удар огромного тела о запертую дверь. Хранитель, поднимавшийся навстречу, едва успел прижаться к стене, когда по ступеням пронеслась волна горячего воздуха с запахом серы и мокрой земли.

– Четвертая печать? – спросила я, перехватывая юбку и ускоряя шаг.

– Пока держится, леди Аманта, но внешний круг ослаб, – ответил Хранитель и поспешил следом. Кровь стекала у него из носа на ворот светлого мундира, однако он словно не замечал ранения. – Двое поддерживают северный узел, еще трое выводят рабочих. Господин Люмьерн приказал ждать его прибытия.

– Пока отец спустится, ждать уже будет нечего.

Я сбегала по последнему пролету и оказалась в круглом зале, вырубленном глубоко под Светлой Башней. Обычно золотые печати покрывали пол ровной сетью, но сейчас одна из линий разорвалась, и из трещины поднимался черный пар. Двое Хранителей стояли по обе стороны повреждения, удерживая защиту, третий лежал возле стены. Над ним склонился совсем молодой ученик и безуспешно пытался привести наставника в чувство.

Новый удар пришел снизу. Пол выгнулся под ногами, трещина расширилась, и из нее показались длинные темные пальцы, больше похожие на обугленные корни. Ученик отшатнулся, выпустил руку раненого и замер, не в силах отвести взгляд от того, что пробивалось в зал.

– Уводи его! – крикнула я, опускаясь возле разорванной линии.

– Но печать...

– Печать оставь мне. Если хочешь помочь наставнику, перестань смотреть и тащи его к лестнице.

Резкость заставила юношу очнуться. Он подхватил раненого под плечи, а я положила ладони на камень и направила силу в поврежденный узел. Свет ударил по рукам до локтей, золотая сеть вспыхнула, и темные пальцы дернулись, пытаясь ухватиться за края трещины. Я усилила поток. Жар поднялся к плечам, дыхание сбилось, но разорванные линии медленно поползли навстречу друг другу.

– Северный узел проседает! – предупредил один из Хранителей.

– Отдайте мне половину внешнего круга, – потребовала я, не поднимая головы. – На третий счет отпускайте. Раз. Два. Три.

Чужая сила хлынула в печать и едва не выбила воздух из груди. На мгновение перед глазами потемнело, а из глубины разлома донесся скрежет, словно по другой стороне камня провели сотней когтей. Я стиснула зубы и замкнула сеть. Золотые линии сошлись, темный пар оборвался, пальцы исчезли, и пол с тяжелым вздохом вернулся на место.

Несколько секунд никто не двигался. Потом Хранитель справа опустился на колени, второй привалился спиной к колонне, а я медленно убрала ладони. Кожа покраснела, в середине

каждой ладони проступил тонкий ожог в форме печати. Отец вошел в зал, когда последний отблеск уже угасал.

– Я приказал ждать, – произнес он вместо приветствия, останавливаясь возле восстановленного узла.

– Еще два удара – и ждать пришлось бы подкрепление из Нижнего мира, – ответила я, поднимаясь. Колени дрожали после резкой отдачи, поэтому пришлось незаметно опереться пальцами о край колонны. – Внешний круг потерял почти треть наполнения. Вчера его проверяли.

Отец присел возле печати и провел над ней ладонью, считывая оставшийся след. Его лицо стало жестче, когда золотые знаки показали направление утечки.

– Сила ушла в общий контур.

– К Темной Башне?

– Куда же еще? – Старший брат спустился следом за отцом и остановился на нижней ступени. – Ноквейны вторую неделю усиливают верхнюю границу, не согласуя расход. А расплачиваемся снова мы.

– Возможно, у них возникла причина, – заметила бабушка, появившаяся в проходе последней. Для подземного осмотра она выбрала простое серое платье и опиралась на трость, хотя на лестницах почти никогда ею не пользовалась. – Башня не отдает силу без причины.

– Они обязаны были предупредить, – возразил брат. – Если верхний контур требует больше, совет перераспределяет резерв. Ноквейны решили, что могут брать сколько захотят.

Я посмотрела на ожоги, пересекавшие ладони. Еще немного, и повреждение превратилось бы в настоящий прорыв. Люди, работавшие на нижних уровнях, не успели бы добраться до лестниц, а существа за границей редко оставляли от пойманных хотя бы кости.

– Сегодня Чаша восстановит общий запас, – сказал отец, выпрямляясь. – Во время обряда следи за своей половиной и не позволяй Кирону изменить соотношение потоков. Ноквейны привыкли считать молчание согласием.

– Я не позволю ему ничего сделать, – пообещала я.

Бабушка посмотрела на меня долгим взглядом, затем коснулась тростью края восстановленной линии.

– Возле Чаши тебе придется думать не о Ноквейне, а о городе.

– Я только что думала о городе.

– Нет, Ами. Сейчас ты думала о людях в этом зале и поступила правильно. В святилище придется помнить о тех, кого никогда не увидишь: о спящих в западных кварталах, о дозорных Темной Башни и даже о мальчике, которого с детства учили считать Люмьернов виновниками каждой беды.

– Кирон давно не мальчик.

– Тогда не веди себя рядом с ним как девочка, у которой отняли игрушку.

Замечание обожгло сильнее печати. Я отвернулась, притворившись, что осматриваю восстановленный узел, и не ответила. Бабушка всегда умела подобрать слова, после которых спорить становилось стыдно. Утром ее предупреждение казалось разумным. К вечеру я еще помнила каждое слово и все равно поступила наоборот.

Кирон

За шесть часов до обряда небо над Темной Башней раскололось тонкой белой линией.

Я заметил ее раньше дозорных. Разлом тянулся между облаками и казался безобидным следом молнии, однако серебряные знаки на парашюте один за другим повернулись к нему острыми концами. В следующий миг из линии вылетел черный осколок, ударил в защитный свод и разлетелся брызгами, прожигая воздух.

– Внутренний круг закрыть! – приказал я, вскидывая руку. – Западному дозору покинуть площадку. Живо!

Трое Хранителей отступили к башенным дверям, а четвертый задержался, пытаясь вернуть выпавший из крепления накопитель. Второй осколок прошел защиту над его головой. Я выбросил темную нить, обвинил Хранителя поперек груди и рванул к себе. Он упал у моих ног вместе с накопителем, а в камень там, где он только что стоял, вонзился длинный черный шип.

– Наследник, свод теряет западный край! – крикнул начальник дозора.

Я уже чувствовал провал. Защитная сеть Темной Башни накрывала Вестан невидимым куполом, и сейчас одна ее часть прогнулась под давлением снаружи. Сквозь трещину пополз шепот, постепенно распадаясь на отдельные голоса. Они всегда звучали по-разному и безошибочно находили тех, кого могли заставить приблизиться к границе. Молодой Хранитель возле моих ног внезапно побледнел и поднял голову. Я не знал, чей голос он услышал, но по его лицу понял: голос принадлежал кому-то дорогому.

– Не слушай, – бросил я, занимая место у центрального знака. – Ни одно живое существо не говорит с той стороны.

– Я знаю, господин.

Он знал, но продолжал смотреть вверх. Я ударил ладонью по знаку, вливая силу в ослабленный край. Холод прошел по костям, мир на несколько мгновений потерял цвет, зато трещина остановилась. Рекард появился на площадке вместе с резервным звеном и тут же оценил положение.

– Как долго удержишь? – спросил он, опускаясь возле соседнего знака.

– Пока кто-нибудь не решит помочь.

– Значит, недолго.

Его сила вошла в сеть ровно, без толчка. Дозорные заменили накопитель, выстроились вдоль парапета и по команде сомкнули контур. Мы вытолкнули черные осколки за границу, после чего Рекард перерезал тонкую белую линию коротким движением ладони. Небо снова стало цельным, но западная часть свода продолжала дрожать.

– Резерв почти пуст, – сообщил начальник дозора, проверив накопители. – Общий контур не возвращает силу.

– Потому что Люмьерны открыли нижние печати и тянут все к себе, – произнес отец, выходя на площадку. Он даже не посмотрел на раненого Хранителя, которого уже уводили вниз. Его интересовали поврежденные знаки и расход силы. – За последние сутки Светлая Башня забрала на пятую часть больше установленного предела.

– Вечером ты впервые займешь мое место возле Чаши, – сказал он. – Светлые попытаются закрепить нынешнее распределение. Не уступай наследнице света ни шага и не позволяй ей наполнить свою половину раньше твоей.

– Если оба потока войдут одновременно, изменить долю не получится, – напомнил Рекард.

– Люмьерны всегда найдут оправдание.

Отец ушел, велел дозорным подготовить полный отчет. Я остался возле парапета и посмотрел на Светлую Башню, поднимающуюся над восточной частью города. В лучах дневного солнца она сияла так ярко, словно утренние повреждения нижних печатей существовали лишь в рассказах Люмьернов.

– Не позволяй ему отправиться с тобой в святилище, – негромко сказал Рекард.

– Он и не собирался. Отец предпочитает оценивать ошибки после их совершения.

– Я говорил не о твоём отце.

Я повернулся к наставнику. Он стоял, сложив руки на груди, и смотрел на меня с тем выражением, которое появлялось перед особенно неприятным разговором.

– Возле Чаши будут двое: ты и Аманта. Оставь здесь все, что только что услышал. Жалобы совета, подозрения семьи, желание доказать, кто сильнее. Общий контур не различает Светлую и Темную стороны.

– Расскажи об этом Люмьерн. Она наверняка придет с перечнем наших преступлений.

– Пусть произнесет весь перечень.

– И я должен промолчать?

– Ты должен завершить обряд, и если для спасения города понадобится уступить ей последнее слово, переживешь.

Я усмехнулся, поправляя перчатку, прожженную на ладони во время удержания свода.

– Тебе легко рассуждать. Люмьерн еще не обвиняла тебя в том, что ее Башня не справляется со своей работой.

– Меня обвиняли в вещах хуже. Большая часть обвинений оказалась справедливой.

Рекард снял с пальца поврежденное кольцо, проверил оправу и снова надел.

– Запомни один совет, Кирон. Когда захочешь ударить Аманту побольнее, сначала спроси себя, кто будет держать ее половину Чаши, пока ты наслаждаешься победой.

Я пообещал, что не сорву обряд из-за Люмьерн. В тот момент обещание казалось простым.

Аманта

Святылище стояло в центре Вестана, на границе светлых и темных кварталов. Под серым куполом находилась Чаша – общий источник двух Башен и единственное место ежегодного соединения их сил.

Разумеется, обе семьи явились в полном составе. Даже взрослого наследника отпускать к врагу без свидетелей никто не собирался.

– Надеюсь, ждать пришлось недолго, – сказала я, остановившись напротив.

– Достаточно, чтобы нижняя граница успела потребовать еще половину городского резерва, – ответил Кирон и скользнул взглядом по моим обожженным ладоням. – Вижу, слухи не преувеличивали.

– А я вижу, что верхняя граница тоже не оставила тебя без подарка.

Он посмотрел на прожженную перчатку, но ничего не сказал. Рекард перевел взгляд с него на меня.

– Возможно, обмен любезностями стоит оставить до завершения обряда.

– Полностью согласна, – ответила я, не отводя глаз от Кирона.

– Какая редкая удача, – произнес он. – Мы согласны хотя бы в чем-то.

Бронзовые двери раскрылись раньше, чем я успела ответить. В центре круглого зала возвышалась Чаша поддержания – широкая, гладкая, выточенная из того же бесшовного камня, что и стены святылища. От нее по полу расходились два круга знаков. Золотые линии тянулись на восток, серебряно-черные – на запад, а между ними оставалась узкая полоса серого камня.

Наши родители проводили обряд много лет. Сегодня Чаша впервые принимала силу новых наследников, поэтому вдоль стен собрались старшие Хранители обеих семей. Они не могли вмешиваться после начала вливания, но их взгляды ощущались тяжелее церемониальных цепей на плечах.

Служитель святылища указал нам места по разные стороны Чаши.

– После третьего удара положите ладони на знаки и откройте поток, – произнес он. – Не торопите силу и не удерживайте ее. Чаша сама возьмет необходимое. Руки можно убрать только после замыкания центрального круга.

– Я знаю порядок, – одновременно произнесли мы с Кироном и тут же скривились, встретившись взглядами.

Первый импульс прошел по залу низкой волной, и золотые линии под моими ногами зажглись. Второй поднял темные знаки вокруг Кирона. На третьем мы положили ладони на каменные площадки по краям Чаши.

Сила потянулась из меня сразу. Свет прошел по рукам, наполнил золотые линии и поднялся над Чашей ровным потоком. Навстречу ему двинулся холодный темный дым, прони-

занный серебряными искрами. Потоки соприкоснулись в центре и на несколько мгновений замерли, словно присматриваясь друг к другу.

Потом темная сила качнулась в мою сторону.

– Убавь поток, – сказала я, удерживая ладони на знаках.

– Он ровный, – ответил Кирон. – Удержи свой.

– Твоя половина уже перешла центральную линию.

– Потому что ты толкнула свет раньше третьего удара.

Я посмотрела на него поверх Чаши. Кирон сохранял неподвижность, но серебряные искры в его потоке вспыхивали все чаще.

– Не пытайся повторить то, что ваша Башня делала с общим контуром всю неделю.

– Мы удерживали верхнюю границу, пока Люмьерны вычерпывали резерв для каждой дрогнувшей печати.

– У нас утром едва не открылся проход в Нижний мир.

– А над западным кварталом раскололось небо. Разница лишь в том, что мы не успели составить красивую жалобу.

Я почувствовала, как к усталости возвращается утренняя злость. Золотой поток дрогнул и сильнее надавил на темный.

– Вы способны лишь молча забирать чужую силу, а потом называть воровство необходимостью.

– Проще залить любую трещину светом, чем признать, что Светлая Башня не умеет рассчитывать расход.

– Мы хотя бы закрываем свои трещины.

– За наш счет.

– За счет города, который Ноквейны почему-то считают своей собственностью.

Кирон чуть наклонился над Чашей. Его лицо оставалось спокойным, но голос стал тише, и каждое слово прозвучало отчетливее.

– Город вспоминает о нас, когда над крышами появляется первая тень. Все остальное время ваши площади сияют, ваши сады цветут, а Люмьерны принимают благодарности за безопасность, половину которой никогда не создавали.

Я сильнее прижала ладони к знакам, не позволяя темному потоку продвинуться дальше.

– Тебе не благодарность нужна. Ты хочешь, чтобы люди боялись даже смотреть на Темную Башню без разрешения.

Серебряные искры возле пальцев Кирона вспыхнули ярче.

– Когда над городом разрывается небо, мне не нужна их благодарность. Мне нужно, чтобы они выполняли приказ и не тратили время на споры.

– Люди подчиняются тебе не потому, что доверяют, – ответила я, выдержав его взгляд.

– Они просто боятся. Другого отношения ты никогда не видел.

По его щеке дернулся мускул. Темный поток над Чашей стал плотнее, и золотой свет отступил на несколько пальцев.

– А ты называешь доверие любовью толпы, – ответил он. – Тебе улыбаются на площадях, и ты решила, что улыбка делает тебя хорошим Хранителем.

– Люди улыбаются мне, потому что я не смотрю на них как на расходный материал.

– Нет, Люмьерн. Они улыбаются, потому что ты никогда не отдавала приказ, после которого часть из них не вернется домой.

Слова попали слишком точно. Во время утреннего прорыва я отправила ученика спасать наставника, и сама закрыла печать, но однажды выбор действительно мог оказаться другим. Кирон заметил мое молчание и продолжил:

– Ты спускаешься к уже найденной трещине в окружении Хранителей, заливаешь ее силой и поднимаешься вверх героиней. На нашей стороне угроза приходит без предупрежде-

ния. Иногда у тебя десять секунд, чтобы решить, какой квартал оставить под ударом. Попробуй принять такое решение, а потом рассказывай мне о доверии.

– Не смей изображать единственного человека, который несет ответственность. Ты ни разу не слышал, как под ладонями скребутся твари Нижнего мира. Не видел людей, которых они успели коснуться. Не закрывал печать, зная, что за ней кто-то еще жив и просит не оставлять его.

– А ты не слышала, как небо разговаривает голосами мертвых, пока твои дозорные сходят с ума. Не сбрасывала зараженного человека с башни, пока он не открыл проход остальным.

На один вдох я увидела рядом не врага, а человека, чья Башня тоже осталась без годового резерва.

– Возможно, Ноквейнам нужны прорывы, – произнесла я, глядя на темный поток. – Без них городу станет слишком легко забыть, зачем он терпит вашу власть.

Кирон застыл. Серебряные искры перестали двигаться, превратившись в острые точки внутри тьмы.

– Повтори.

Рекард шагнул к краю круга, но остановился, не имея права пересечь знаки.

– Аманта, следите за потоком, – предупредил он.

Мне следовало замолчать. Я знала, насколько грязным было обвинение, однако отступить под взглядом Кирона означало позволить ему считать себя победителем.

– Я сказала, что ваша семья слишком хорошо умеет пользоваться чужим страхом. Иногда складывается впечатление, что без угрозы с неба Ноквейны потеряют единственную причину требовать повиновения.

– Тогда, возможно, Люмьерны сами расшатывают нижние печати, – ответил Кирон. Его спокойствие исчезло, а голос разнесся по всему залу. – Чем чаще из-под земли лезут твари, тем чаще твоя семья выходит на площадь в белых плащах и принимает поклоны спасенных.

– Бездушный ублюдок.

– Избалованная глупая кукла.

Золотой свет рванулся вперед вместе с моей яростью. Кирон встретил удар темным потоком, и над Чашей вспыхнула ослепительная дуга. Камень под ладонями стал горячим. Служитель святилища поднял руку, требуя остановиться, но убрать ладони до замыкания круга мы не могли.

– Выровняйте потоки! – крикнул он. – Оба, немедленно!

– Скажи своему цепному псу, чтобы перестал давить на мою половину, – бросила я отцу Кирона.

Кирон повернулся ко мне, и серебряные искры над его руками вспыхнули ярче.

– Цепному псу?

– Твой отец затянул на тебе ошейник так давно, что ты уже принимаешь его за наследственную цепь.

Тьма над Чашей взметнулась и ударила в золотой поток. По стенам побежали трещины света, старшие Хранители одновременно шагнули вперед, но круг отбросил их назад.

– Не впутывай мою семью.

– Ты первым заговорил о моей.

– Я говорил о тебе. О женщине, которую нарядили в белое, поставили перед толпой и убедили, будто свет за ее спиной принадлежит ей.

– По крайней мере, моя семья видит во мне человека, а не оружие.

– Твоя семья видит удобную лампу, Люмьерн. Просто они догадались украсить ее цветами.

Я дернула ладони, но Чаша не отпустила. Знаки сомкнулись вокруг запястий раскаленными кольцами, заставляя продолжать вливание. Кирон тоже попытался отстраниться и скривился от боли.

– Доведите круг до замыкания, – приказал служитель. – Потом выясните, кто из вас хуже воспитан.

– Я не останусь возле него еще ни минуты, – выдохнула я.

– О, первая разумная мысль, – отрезал Кирон. – Убирайся.

– С удовольствием. Поддерживай город своим высокомерием, раз считаешь его сильнее Чаши.

– А ты освети нижние печати улыбкой. Говорят, она заменяет тебе умение думать.

Я направила в знак резкий импульс, разбивая удерживающее кольцо. Камень под ладонью треснул золотой линией. Кирон почти одновременно перерезал свое кольцо темным лезвием. Наши руки оторвались от Чаши, хотя центральный круг оставался незамкнутым.

На мгновение ничего не произошло, а потом оба потока рухнули внутрь.

Чаша загудела так низко, что звук прошел сквозь кости. Золотая и темная силы столкнулись на дне, взвились переплетенным столбом и ударили в свод. Меня отбросило на несколько шагов. Отец успел перехватить меня за плечи, Рекард заслонил Кирона, а старшие Хранители подняли защиту вдоль стен.

– Вернитесь к знакам! – потребовал служитель, перекрывая гул. – Пока круг открыт, обряд еще можно завершить.

Я вырвалась из рук отца и посмотрела на Кирона. Он стоял возле противоположного края, тяжело дыша. На его ладони темнел ожог, взгляд оставался полным такой ярости, что надежда на здравый ответ умерла раньше, чем я заговорила.

– Пусть сначала уберет свою силу из моей половины.

– Пусть сначала признает, что не умеет удерживать собственную, – ответил Кирон.

– Хватит! – Рекард схватил его за плечо, когда темные знаки снова вспыхнули. – Город не обязан расплачиваться за вашу гордость.

– Скажите ей.

– Я говорю обоим.

Служитель попытался вернуть потоки в прежние русла, но свет и тьма уже вращались внутри Чаши, не подчиняясь чужим рукам. Между золотыми и темными знаками раскрылась тонкая серая трещина. Из нее вырвалась вспышка, ударила мне в лицо и на мгновение поглотила весь зал, а когда зрение вернулось, линия уже исчезла под камнем.

– Я не продолжу обряд с Ноквейном, – объявила я, направляясь к выходу.

– Прекрасно, – бросил Кирон мне вслед. – Светлая Башня честно признала, что неспособна завершить начатое.

Я остановилась возле дверей и обернулась.

– Когда верхняя граница рухнет, постарайся не задохнуться от собственного превосходства.

– Когда откроется Нижний мир, попроси чудовищ поаплодировать. Без восхищения ты долго не протянешь.

– Ненавижу тебя.

– Наконец-то без лжи.

Я распахнула двери и вышла, не позволив себе оглянуться снова. Семья последовала за мной не сразу. За спиной остались голоса Хранителей, тяжелый гул незавершенной силы и Кирон, которого я в тот вечер искренне желала никогда больше не видеть.

На площади уже стемнело. Светлая Башня сияла над восточными крышами, Темная чернела на другом конце города, а между ними горели тысячи человеческих окон. Я спустилась по ступеням и направилась домой, все еще чувствуя на ладонях жар Чаши.

Позади раздался глухой удар. Я обернулась и увидела короткую золотисто-черную вспышку над куполом святилища. Отец окликнул меня, быстро спустился по лестнице и остановился рядом.

– Ты понимаешь, что вы натворили? – спросил он, указав на закрытые двери.

– Кирон сам отказался продолжать, – возразила я.

– Меня не интересует, кто из вас первым сорвался. Чаша должна была наполнить обе Башни на следующий год, а теперь никто не знает, куда направится оставленная в ней сила. Молись, чтобы обряд просто не завершился, потому что, если вы нарушили работу общего контура, за вашу ссору придется отвечать всему городу.

Отец вернулся в святилище, а я продолжила путь к Светлой Башне, убеждая себя, что он преувеличивает опасность. До утра оставалось несколько часов.

Глава 4. Чужие обязанности

Утро после обмена телами

Аманта

После сигнала верхней границы Рекард забрал сюртук из моих рук, надел его мне на плечи, застегнул пропущенную пуговицу и велел привести волосы Кирона в порядок. Я хотела напомнить, что несколько часов назад была наследницей Светлой Башни и прекрасно одевалась без посторонней помощи, но новый удар прошел по стенам раньше, чем я успела возразить. Серебряные линии над камином вспыхнули и погасли, а из коридора донеслись голоса Хранителей, спешивших к верхним уровням.

– Сейчас Вы пойдете со мной, будете молчать и постараетесь ничего не трогать, – сказал Рекард, затягивая на моем запястье черный ремень с защитными знаками. – Если отец Кирона задаст прямой вопрос, сошлитесь на последствия обряда.

– Я не могу весь день изображать больного, – ответила я, рассматривая незнакомые символы на ремне. – Он в любой момент спросит то, что я не знаю.

– Поэтому нам нужен Кирон, но сначала мы убедим его семью, что наследник не забыл собственные обязанности за одну ночь.

Рекард выпрямился, и перед нами снова стоял требовательный наставник.

Внутри находились Коден Ноквейн, отец Кирона, и семеро Хранителей. Они стояли вокруг круглой площадки, над которой висело изображение неба. Тонкие серебряные линии образовывали защитный свод над городом, а возле западного края мерцала темная точка. Никакого настоящего разлома я не видела, но подобный след не должен был появиться на следующий день после ежегодного наполнения Чаши. Завершенный обряд укреплял старые повреждения и успокаивал обе границы хотя бы на несколько недель. Мы с Кироном не дали Башням даже одного спокойного утра.

– Наконец-то, – произнес отец Кирона, не оборачиваясь. – Дай оценку нарушению.

Я остановилась возле площадки и посмотрела на переплетение линий. Знаки не походили на светлые печати. У них не было начала и конца, а направление силы менялось при каждом движении темной точки. Любой ответ мог выдать меня.

– После вчерашнего обряда след нестабилен, – сказала я, выбирая самые безопасные слова. – Нужно наблюдать, прежде чем вмешиваться.

Отец Кирона медленно повернулся.

– Ты поднялся сюда, чтобы предложить наблюдать?

– Прямого прорыва пока нет, – вмешался Рекард, подходя к площадке. – Свод отозвался на движение снаружи, но граница удержала удар. Резкое вмешательство может открыть слабое место рядом.

– Я спрашивал наследника.

Рекард отступил, оставляя меня под взглядом отца и хранителей. Хотелось потребовать, чтобы они перестали смотреть и занялись собственной Башней, но Кирон, судя по рассказам наставника, никогда не позволял раздражению управлять голосом.

– Я согласен с Рекардом, – ответила я. – Сначала проверим опорные знаки, затем решим, требуется ли усиление.

Отец ничего не сказал и указал на дальний край площадки. Один из серебряных знаков там погас почти полностью. Я подошла ближе, надеясь, что Рекард последует за мной, однако он остался на прежнем месте. Видимо, проверка предназначалась только для Кирона.

– Западная опора теряет связь, господин, – сообщил молодой Хранитель. – Если она погаснет, соседние знаки примут двойную нагрузку.

– Я вижу, – ответила я, хотя различала лишь слабое мерцание.

Темная точка над площадкой дрогнула. Угасающий знак вспыхнул и тут же начал сыпаться серебряной пылью. Хранители одновременно подняли руки, но никто не направил силу. Все ждали приказа наследника.

Я протянула ладонь к знаку и попыталась удержать его так, как удерживала светлые печати. Вместо привычного тепла по руке прошел холод. Темная сила вырвалась из пальцев тонким лезвием и ударила прямо в угасающую линию. Изображение свода качнулось, соседние знаки вспыхнули красным, а Хранитель возле площадки отшатнулся.

Рекард оказался рядом раньше, чем я успела убрать руку. Он перехватил запястье, развернул ладонь и направил поток вдоль серебряного круга. Красный свет погас, но по залу уже прокатился тревожный шепот.

– После обряда сила отвечает резче обычного, – объяснил наставник, не отпуская меня.
– Наследнику следует восстановить связь через соседние опоры.

Он слегка надавил большим пальцем на мое запястье и едва заметно указал на два ближайших знака. Я поняла подсказку, соединила их темной нитью и только потом направила поток к поврежденной линии. На этот раз серебряный знак загорелся ровно. Изображение неба успокоилось, а темная точка начала медленно бледнеть.

Отец Кирона подошел к площадке и провел ладонью над восстановленной опорой.

– Ты ударил в знак напрямую.

– Сила сорвалась.

– У тебя не срывалась сила с двенадцати лет.

Я заставила себя не смотреть на Рекарда.

– Возможно, так проявляются последствия вчерашнего.

– Вижу, – отрезал отец, указав на темную точку над площадкой. – После завершеного обряда свод должен был очиститься. Вместо этого мы теряем опоры в первый же день, и, если сила не вернется в общий контур, каждое следующее нарушение будет сильнее.

Отец изучал мое лицо еще немного, затем повернулся к Хранителям и приказал проверить остальные опоры. Меня он отстранил от площадки коротким движением руки.

– До вечернего отчета не работай со сводом без наставника. Если потерял контроль, лекарь должен осмотреть тебя.

Возражать было опасно. Я молча отошла к Рекарду и дождалась, когда отец Кирона покинет зал. Хранители вернулись к работе, но теперь некоторые поглядывали в мою сторону.

– Почему Вы не объяснили, что силу нельзя направлять в сам знак? – спросила я, понизив голос.

– Я велел ничего не трогать.

– Они ждали приказа. Если бы я стояла и молчала, его отец заподозрил бы неладное еще раньше.

– Теперь он подозревает потерю контроля и собирается прислать лекаря. Что определенно не лучше.

Я посмотрела на серебряный свод. Один неверный жест заставил всю защиту над западным кварталом дрогнуть. Светлую печать я закрыла бы с завязанными глазами, но устройство Темной Башни не подчинялось привычным правилам. Вчера я ушла из святилища, уверенная, что отвечать придется лишь перед семьей и советом. Теперь над западными кварталами появилась первая трещина, которой не должно было быть, а я даже не знала, как удержать один опорный знак.

– Мне нужно поговорить с Ноквейном, – произнесла я, с трудом заставив себя сказать нужные слова.

Рекард повернул ко мне голову.

– Простите, не расслышал.

– Вы прекрасно слышали. Я не могу угадывать расположение опор каждый раз, когда небо решит нас проверить. Найдите Кирона и приведите его в святилище.

– Это произойдет скоро, – предупредил Рекард. – Обряд не укрепил границу, поэтому следующий удар придет раньше и окажется сильнее.

– Тем более найдите его, – ответила я, снова посмотрев на темную точку. Просить помощи у Ноквейна было унижительно, но позволить городу расплачиваться за нашу ссору оказалось бы хуже. – До вчерашнего дня он отвечал за этот свод. Пусть хотя бы объяснит, как не разрушить его собственными руками.

– Люмьерны не отпустят наследницу на тайную встречу с человеком, которого она вчера обвинила в срыве обряда.

– Тогда придумайте официальную причину. Вы знаете, Кирона одиннадцать лет и наверняка научились лгать убедительнее меня.

– Мое кольцо не одобряет подобные привычки, – сухо ответил Рекард, но спорить не стал.

Кирон

К четвертому уровню меня сопровождали отец Аманты, ее старший брат и двое Хранителей. Я шел между ними, стараясь не задавать вопросов и запоминать дорогу. Светлая Башня уходила под землю глубже, чем я предполагал. После третьего пролета воздух стал теплым и тяжелым, а золотые линии на стенах начали пульсировать в одном ритме с чужим сердцем.

– Колебания прекратились сразу после сигнала, – сообщил старший Хранитель, открывая дверь нижнего зала. – Повреждений внешнего круга пока не видно, но четвертая печать дважды потребовала подпитку.

– Показывайте, – ответил я, надеясь, что уверенного тона хватит.

В центре зала находилась широкая золотая сеть. Один край мерцал слабее остальных, а под прозрачными линиями шевелилась темнота. Она напоминала густой дым, запертый под стеклом, и тянулась за каждым человеком, проходившим рядом.

Старший брат остановился возле слабого участка и посмотрел на меня.

– Ты вчера говорила, что северный узел продержится до следующего наполнения. По-прежнему уверена?

Я присел возле печати, стараясь выиграть время. Тепло под ладонями усилилось, хотя камня я еще не касался. В Темной Башне защитные знаки требовали приказа, светлые сами тянулись к телу Аманты и ожидали силы.

– После вчерашнего прежний расчет уже нельзя считать точным, – ответил я. – Сначала проверю отклик.

Отец Аманты нахмурился, но не вмешался. Я поднес ладонь к золотой линии. Свет мгновенно обвил пальцы и потянул руку вниз. Под печатью шевельнулась темнота, собираясь в длинную тень, а в голове прозвучал едва слышный шепот. Он обещал показать выход, если я разомкну один знак.

Я направил силу прямо в слабый участок. Золотая линия вспыхнула так ярко, что пришлось зажмуриться. По сети прошла волна, соседние узлы задрожали, а из-под камня донесся довольный скрежет.

Старший брат схватил меня за плечо и отдернул от печати.

– Ты что делаешь? Сначала закрывают внешний круг!

Двое Хранителей уже опустились возле соседних знаков и пытались остановить расходящийся свет. Я поднялся, скрывая растерянность за раздражением.

– Я вижу.

– Если бы видела, не открыла бы внутреннюю линию.

Отец Аманты коротко приказал сыну замолчать и сам занял место возле внешнего круга.

– Замкни сеть, Аманта. Раз уж начала, исправляй.

Четыре линии расходились от моих ног в разные стороны, а я понятия не имел, какую соединить первой, тем более любое промедление усиливало дрожь под полом. Один из Хранителей положил ладонь на восточный знак и посмотрел на западный, что могло быть случайностью, но другого выхода у меня не оставалось.

Я направил свет от восточного узла к западному, затем соединил оставшиеся линии и сеть сомкнулась вокруг слабого участка. Тень под камнем метнулась в сторону, шепот оборвался, а золотые знаки постепенно вернули ровное сияние.

– Отпускайте силу медленно, – приказал я Хранителям, повторяя порядок, который только что почувствовало тело Аманты. – Внешний круг держим до полного отклика.

На этот раз печать подчинилась, а когда последняя линия успокоилась, я убрал руки и обнаружил на ладонях красные следы. Старший брат продолжал смотреть на меня с недоверием.

– Ты учила меня закрывать подобные повреждения, когда мне было пятнадцать, а тебе всего двенадцать. Почему полезла во внутреннюю линию?

– Сила отзывалась раньше, чем я ожидала.

– У тебя никогда не было проблем с контролем.

– До вчерашнего обряда я никогда не пыталась наполнить Чашу вместе с темным.

– Но Вы так и не наполнили ее, – напомнил отец. – Поэтому печать, которая должна была укрепиться на целый год, слабеет уже сегодня. Дальше нарушения пойдут одно за другим, и каждый раз удерживать их будет труднее.

Я выпрямился.

– Сегодня больше не спускайся сюда одна, – сказал он, когда мы направились к выходу. – После возвращения поговоришь с врачом. Если нарушение повторится, обязанности временно примет твой брат.

Я едва не согласился слишком охотно. Отстранение избавило бы от необходимости притворяться возле печатей, но настоящая Аманта наверняка восприняла бы решение как недоверие. К тому же чужая ошибка показала неприятную правду: сорванный обряд не закончился нашей ссорой. Обе Башни остались без силы, которую должны были получить на следующий год, а отвечать за последствия теперь приходилось нам – каждому на стороне врага.

– Временная слабость не мешает мне выполнять обязанности.

– Сейчас едва не пострадал весь четвертый уровень.

– Ошибку я исправила.

– Ошибку, которой раньше не допустила бы, – вмешался старший брат.

– Вчерашний обряд ударил сильнее, чем я думала. Мне нужно осмотреть Чашу и понять, что произошло.

– К святилищу пока никого не допускают, – остановил меня отец Аманты.

– Тогда добейтесь допуска. Пока мы сидим в разных Башнях и обвиняем друг друга, общий контур продолжает слабеть.

Отец ничего не ответил. Мы поднялись на жилой уровень, где нас уже ожидала Мина Люмьерн, бабушка Аманты. Она сидела возле окна с закрытой книгой на коленях и сразу посмотрела на мои покрасневшие ладони.

– Снова пыталась победить печать силой? – спросила она, когда остальные отошли к врачу.

– Печать повела себя иначе.

– Или ты?

Я выдержал ее взгляд, стараясь не выдать раздражения. Аманта предупредила бы меня о бабушке, если бы успела понять, в каком положении мы оказались.

– Мне нужно отдохнуть.

– Конечно, дитя. – Пожилая женщина поднялась и задержала ладонь на моей руке. – Только не забывай: усталость меняет голос и настроение, но редко заставляет человека забыть то, чему он учился всю жизнь.

Она ушла прежде, чем я придумал ответ. Я направился в спальню, запер дверь и достал из шкафа плащ. До Темной Башни в теле Аманты я не доберусь, но святилище находилось в Середине. Если отец снова откажет, придется искать другой выход.

Стук раздался раньше, чем я успел проверить окно. За дверью стоял служитель Светлой Башни с запечатанным письмом.

– Леди Аманта, прибыл посланник из центрального святилища, – сообщил он. – Служители обнаружили повреждение внешних знаков Чаши. Они требуют присутствия обоих наследников до заката.

Я забрал письмо и узнал под светлой печатью тонкий оттиск кольца семьи Верт. Рекард нашел меня первым, и если еще утром я собирался потребовать, чтобы Аманта исправила содеянное, но после четвертой печати одного требования было мало. Мне нужны были ее знания, а ей наверняка уже понадобились мои.

Аманта

Официальное уведомление избавило нас от необходимости тайно покидать Башни. Отец Кирона отправил меня вместе с Рекардом и четырьмя стражами, потребовав вернуться сразу после осмотра. Люмьерны тоже выделили наследнице сопровождение, поэтому возле святилища собрались представители обеих семей. Они обменивались недоверчивыми взглядами, пока служитель объяснял, что поврежденные знаки не позволяют посторонним войти во внутренний зал.

Рекард провел меня через бронзовые двери и дождался, когда они закроются за нами. Кирон уже находился внутри. Он стоял возле Чаши в моем теле, сцепив руки за спиной, и смотрел на меня.

Глава 5. Договор двух врагов

Аманта

Я не сводила глаз с собственного тела. Разум отказывался принимать, что внутри него находился Кирон Ноквейн. Он собрал мои волосы так туго, что ни одна прядь не выбилась у висков, выпрямил спину и сцепил руки за спиной. Мое лицо никогда не выглядело настолько холодным. Хуже всего оказалось выражение глаз: я знала их разрез, цвет, каждую тень под ресницами, но взгляд принадлежал ему. Я сделала шаг, желая рассмотреть ожоги на собственных ладонях, а Кирон отступил, будто опасался.

– Не отходи от меня моими же ногами, – потребовала я и приблизилась снова. – Покажи руки.

– Сначала ты покажешь мои, – ответил Кирон моим голосом. От знакомого звучания, соединенного с его интонацией, меня передернуло. Он заметил мою реакцию, нахмурился и невольно коснулся горла. – Поверь, мне нравится не больше.

– Тогда перестань говорить, – бросила я, но уже смотрела на красные полосы, пересекавшие его ладони. Вернее, мои. Ожоги шли от запястий к пальцам. Я забыла, что еще секунду назад хотела оттолкнуть Кирона. – Что ты сделал?

Чужое тело по-прежнему сбивало каждое привычное движение.

– Исправлял твою печать после того, как она едва не открыла внутреннюю линию, – произнес он, понизив голос. – Лучше объясни, почему на моих пальцах следы верхней границы. Ты решила потрогать каждую опору, пока какая-нибудь не убьет тебя?

– Я коснулась одной опоры, потому что твои Хранители ждали приказа от наследника, – возразила я и дернула рукой. – Никто не предупредил, что темная сила ударит в защитный свод, если направить ее прямо.

– Она не ударяет в свод, – отрезал Кирон, продолжая удерживать меня. – Ты направила темную силу так, как привыкла направлять свет, и чуть не разорвала связь с западной опорой.

– А ты, конечно, родился со знанием светлых печатей и поэтому едва не выпустил тварей на четвертый уровень, – прошипела я, снова дернув рукой. – Отпусти меня, Ноквейн.

Кирон разжал пальцы, но не отступил. Я потеряла предплечье и удержалась от нового требования показать ладони.

– Убери мои руки из-за спины, – сказала я, заметив, что он снова принял привычную позу. – Я никогда так не стою.

– А ты перестань расстегивать мой ворот, – ответил Кирон, разглядывая две открытые пуговицы на моей рубашке. – Я никогда так не хожу.

– Твой ворот мешает дышать, – возразила я, снова потянув за жесткий край ткани.

– До сегодняшнего утра не мешал, – ответил Кирон, проследив за движением моей руки.

– До сегодняшнего утра тебе не приходилось носить собственное высокомерие на шее, – напомнила я, не собираясь застегивать ворот.

Кирон резко втянул воздух моими легкими, но ответить не успел. Рекард шагнул между нами и поднял левую руку. Камень в кольце правды оставался прозрачным, однако одного вида артефакта хватило, чтобы напомнить мне утренний разговор.

– Вы оба потребовали встречи не только потому, что не справляетесь с чужими обязанностями, – произнес наставник, переводя взгляд с Кирона на меня. – Нам нужно выяснить, что произошло возле Чаши и как вернуть вас в собственные тела. Аманта едва не повредила верхнюю опору, Кирон чуть не открыл внутреннюю линию нижней печати. Если вместо поисков решения вы собираетесь повторить вчерашнюю ссору, я сниму печать с дверей и приглашу ваших сопровождающих. Тогда сами объясните семьям, почему наследники после сорванного обряда хватают друг друга за руки и спорят, кому принадлежит лицо.

За бронзовыми дверями ждали Хранители обеих Башен. Кирон первым отошел к противоположному краю Чаши, и я тоже отступила.

– Я способен разговаривать спокойно, – сказал он, поправляя рукав моего платья.

– Прекрасно, – отозвалась я, сцепив руки на груди. – Начни прямо сейчас.

– А Вы попробуйте хотя бы минуту не подсказывать ему, как именно следует молчать, – попросил Рекард и повернулся к Кирону. – Личность Аманты я проверил утром. Теперь твоя очередь.

Кирон посмотрел на кольцо. На моем лице появилось оскорбленное недоверие; заметив мой взгляд, он отвернулся к наставнику.

– Ты действительно сомневаешься, что перед тобой я? – спросил он, стараясь говорить ровно.

– Сегодня утром я нашел Аманту Люмьерн в твоём теле, – напомнил Рекард и разомкнул руки, чтобы Кирон видел камень. – После такого разумно сомневаться даже в людях, которых знаешь одиннадцать лет. Назови свое имя.

– Кирон Ноквейн, наследник Темной Башни, – ответил он. В кольце разлилось белое сияние, но наставник продолжал ждать. – Тебе недостаточно?

– Мне – да. Кольцу нужен еще один ответ. Что я сказал тебе перед отъездом в святилище?

Кирон недовольно поджал мои губы и посмотрел на Чашу.

– Ты велел оставить в Башне жалобы совета, подозрения семьи и желание доказать, кто сильнее, – ответил Кирон, не глядя на меня. – Потом предупредил: когда я захочу ударить Аманту побольнее, мне следует вспомнить, кто будет держать ее половину Чаши.

Я вспомнила оскорбления, которыми Кирон осыпал меня возле Чаши, и невесело усмехнулась.

– Плохо же ты слушаешь наставника, – заметила я, встретившись с ним взглядом.

– Ты прекрасно знала правила обряда, но первой разбила удерживающий знак, – ответил Кирон. Мое лицо напряглось, а пальцы сжали край платья. – Поэтому не изображай единственного разумного человека в зале.

Рекард задал Кирону несколько коротких вопросов: вызывал ли он обмен намеренно, направлял ли на меня заклинание переноса, знал ли раньше о подобной магии. Кирон на все ответил отрицательно, и камень не изменил цвета.

– Теперь спросите ее, – потребовал Кирон, когда наставник закончил проверку. – Утром она могла рассказать Вам любую версию. Я хочу услышать ответы сам.

– Я уже прошла проверку, – возразила я, чувствуя, как снова поднимается злость. – В отличие от тебя, мне хватило одного разговора.

– Тогда повторить правду будет нетрудно, – сказал он и посмотрел прямо на меня. В собственных глазах я увидела тот же страх, который испытывала сама.

Рекард повторил вопросы для меня. Я ответила, что не знала о возможности обмена и не направляла силу против Кирона. Камень сохранил белый свет. Кирон разжал кулаки.

– Значит, ни один из вас не планировал случившееся, – подвел итог Рекард. – Причиной мог стать незавершенный обряд, столкновение потоков или неизвестное свойство Чаши. Доказательств пока нет, но, если вам интересно мое мнение, я бы поставил на то, что Всеведущий наказал вас за заносчивость и гордыню. Причем выбрал весьма подходящий способ.

Я недоверчиво посмотрела на наставника, но Кирон отреагировал первым.

– Всеведущий не стал бы подвергать весь город опасности только ради того, чтобы проучить нас, – возразил он, скрестив мои руки на груди.

– Город подвергли опасности вы, когда бросили открытый круг, – напомнил Рекард. – Всеведущий, если мое предположение верно, лишь выбрал наказание, которое вы не сможете проигнорировать.

– Тогда он мог подобрать мне кого-нибудь менее невыносимого, – пробормотала я, бросив взгляд на Кирона.

– Поверь, Люмьерн, я тоже не чувствую себя избранным, – отозвался он и повернулся к Рекарду. – В любом случае вспышка появилась после того, как Аманта разбила удерживающий знак.

– Ты перерезал свой в ту же секунду, – ответила я и сразу заметила, как наставник повернул ко мне кольцо. – Я не перекладываю всю вину, а только напоминаю, что возле Чаши нас было двое.

Кирон взглянул на ожоги моих ладоней, а я вспомнила красное небо над западными кварталами. Рекард подошел к Чаше.

После оборванного обряда ее поверхность потемнела, каменные площадки для ладоней покрывала серая пленка, а между золотыми и серебряно-черными знаками пролегла тонкая трещина. Наставник провел рукой над краем, не касаясь камня.

– Служители осматривают Чашу с рассвета, – сообщил он. – Новую силу она не принимает и замкнуть оборванный круг не позволяет. Внешние знаки закрылись сразу после вашего ухода.

– Когда они откроются? – спросил Кирон и подошел ближе, но остановился прежде, чем коснуться серой пленки.

– В полночь через шесть дней, – ответил Рекард. – Сила проходит по одному контуру за сутки и вернется к Чаше после седьмого круга. Тогда у вас появится возможность завершить обряд.

– Значит, раньше мы ничего не исправим? – спросила я, глядя на серую полосу, отделявшую меня от собственного тела.

– Попытка открыть Чашу до возвращения потоков отбросит силу обратно в ваши тела и может окончательно разорвать общий контур, – пояснил наставник. – Ни один служитель не рискнет двумя границами ради проверки.

– Значит, мы завершим обряд и, возможно, вернемся в свои тела? – Кирон произнес вопрос резко, почти приказом, однако Рекард не отвел взгляда.

– Возможно, – ответил Рекард, не пытаясь смягчить голос. – Если обмен вызван оборванным кругом, завершение ритуала должно исправить нарушение.

Я подняла ладонь, и по пальцам Кирона пробежала темная нить. На другой стороне Чаши между пальцами моего тела вспыхнул золотой свет. Магия осталась в крови, а поменялись мы сознанием. Узнает ли Чаша людей внутри тел, никто не знал.

– Если мы не успеем? – спросила я, заставив себя опустить руку.

– Потоки снова разойдутся по контурам, а следующее естественное соединение произойдет через год, – ответил Рекард. Он перевел взгляд на темную часть знаков и добавил уже тише: – После полноценного обряда обе границы должны были успокоиться. Трещин, которые появились сегодня, вообще не должно было быть. Теперь Башням приходится держаться на остатках прошлогодней силы, и с каждым пройденным контуром давление будет расти.

– Они не выдержат год, – произнес Кирон. На моем лице не осталось ни высокомерия, ни раздражения. – Возможно, не выдержат и месяца.

– Поэтому месяца у нас нет, – сказал наставник. – Через оставшиеся шесть дней вы заканчиваете обряд или мы все погибнем.

– Нужно рассказать семьям, – решил Кирон после долгого молчания. – Они подготовят Хранителей и помогут найти другой способ.

– Моя семья увидит в тебе темного мага, захватившего тело наследницы, – возразила я, подходя к Чаше. – Тебя свяжут раньше, чем бабушка успеет задать первый вопрос.

– А мои родные, по-твоему, встретят тебя объятиями? – спросил он, и горькая усмешка на моих губах выглядела непривычно. – Мой отец не позволит Люмьернам распоряжаться телом наследника.

– Отец Кирона уже вызвал мне лекаря после одной ошибки со сводом, – напомнила я, обращаясь к Рекарду. – Если он узнает правду, меня попытаются изгнать силой.

– Если семьи узнают правду сейчас, Хранители встанут друг против друга вместо защиты границ, – сказал Рекард. – До безопасного способа вернуть вас тайна защищает весь город.

– Скрывать подмену столько времени не получится, – сказал Кирон и провел ладонью по слишком туго собранным волосам. – Ее бабушка смотрит на меня подозрительно, а Эли поняла, что с сестрой что-то случилось, еще до завтрака.

– То же самое, – призналась я, хоть и далось мне это непросто. – Твой отец наблюдал за каждым моим движением во время отчета, и, если завтра придется снова удерживать верхнюю границу, одной подсказки Рекарда не хватит.

Наставник достал из внутреннего кармана сложенный лист, развернул его на краю Чаши и взял оставленное служителями перо.

– Поэтому вы заключите договор, – произнес Рекард, обмакнув перо в чернильницу. – Не ради дружбы и не ради спокойствия семей. От ваших решений зависят обе Башни, а значит и весь мир. Первое условие: никто не раскрывает подмену без согласия остальных. Исключение – прямая угроза жизни или одной из границ.

– Согласен, – ответил Кирон после короткого раздумья. – Но, если Люмьерны попытаются провести очищение, я скажу правду независимо от решения Аманты.

– Если Ноквейны решат проверить мое сознание, я поступлю так же, – добавила я. Рекард кивнул и записал исключение, после чего перевел перо на следующую строку.

– Второе условие: вы не причиняете вред чужому телу и не подвергаете его опасности без необходимости, – продолжил Рекард, записав первую строку. – Работа на границе проходит только с опытным сопровождением.

– Тогда ей запрещено участвовать в тренировках с мечом, – сразу сказал Кирон, указав на меня. – Она не знает, как двигается мое тело, и пострадает в первом же поединке.

– Я умею держать оружие, – возмутилась я, но, заметив сомнение на собственном лице, сердито добавила: – По крайней мере, лучше, чем ты работаешь со светлыми печатями. Тебе нельзя спускаться на нижние уровни одному.

– Утром я удержал внешний круг, – напомнил Кирон, поворачиваясь ко мне всем телом.

– Сначала ты едва не открыл внутренний, – ответила я и повернулась к Рекарду. – Записывайте. Он не приближается к печатям без моего отца, брата или бабушки.

– Аманта не выходит к верхней границе без меня или старшего Хранителя, – решил наставник, не дав Кирону возразить. – Третье условие: никаких поступков, последствия которых останутся после возвращения. Не подписывать договоры от имени другого, не назначать наказания, не принимать брачные предложения и не вызывать людей на поединки.

– Я не собираюсь принимать брачные предложения за Ноквейна, – сказала я, представив подобный разговор, и впервые с начала встречи почувствовала не злость, а почти истерическое желание рассмеяться.

– Очень великодушно, – отозвался Кирон. Уголок моего рта дрогнул, хотя он попытался сохранить серьезность. – Со своей стороны обещаю не выходить замуж в течение недели.

– Только попробуй, – предупредила я и шагнула к нему, но Рекард выставил между нами перо.

– Ради подобных порывов правило и появилось, – заметил наставник. – Дальше: личные границы. Никаких писем, запертых ящиков, семейных тайн и изменений внешности.

– Мое оружие без разрешения не трогать, – потребовал Кирон. Он осмотрел собственные руки, которыми я теперь распоряжалась, и добавил: – Включая кинжал под подушкой. Утром ты его не нашла только потому, что я оставил нож в оружейной после обряда.

– Значит, под подушкой обычно лежит кинжал? – переспросила я, вспомнив, как спокойно спала в его постели. – Прекрасно. Тогда ты не обрезаешь мои волосы и не позволяешь служанке менять прическу без причины.

Кирон перевел взгляд с длинных волос на меня и тяжело выдохнул.

– Я не собирался их обрезать, – произнес он, осторожно убирая волосы за спину. – Но ты объяснишь, как заставить служанку не тратить на них половину утра.

– А ты объяснишь, почему у тебя двадцать одинаковых черных сюртуков и каждый застегивается до подбородка, – парировала я. Рекард записал последние условия, и мне показалось, что уголок его рта едва заметно дрогнул.

– Главное правило осталось последним, – сказал наставник, откладывая перо. – Вы помогаете друг другу выполнять обязанности наследников. Если не знаете, как действовать, спрашиваете, а не пытаетесь угадать. До открытия Чаши встречаемся здесь каждый вечер. Днем передаем срочные вопросы через меня.

– Каждый вечер? – переспросила я, оглянувшись на двери. – Семьи заметят наши ежедневные поездки в Середину.

– Поэтому встречи будут проходить под видом осмотра Чаши и сверки состояния границ, – пояснил Рекард. – После сегодняшнего Вы все еще надеетесь за один разговор научиться управлять Темной Башней?

– Я не собираюсь ею управлять, – возразила я, хотя утренний отчет уже доказал обратное. – Мне нужно продержаться оставшиеся дни.

– Башня не станет ждать, пока Вы вернетесь в свое тело, – ответил Рекард, кивнув на темные знаки вокруг Чаши. – Завтра повреждения усилятся. Если один из вас ошибется, второй потеряет не только тело, к которому надеется вернуться.

Мы замолчали. Только Кирон мог научить меня удерживать западную границу; только я могла провести его к нижним печатам.

Кирон взял лист, перечитал условия и положил ладонь под последней строкой. Белое сияние кольца отразилось в моих глазах, когда он поднял голову.

– Я, Кирон Ноквейн, принимаю договор, – произнес он твердо. – Не раскрою подмену без крайней необходимости, не причиню вреда телу Аманты и помогу ей завершить обряд.

Камень сохранил белый свет. Рекард повернул лист ко мне. Рядом с рукой Кирона лежала моя ладонь, в которой сейчас текла чужая воля. Ради возвращения придется доверить ее человеку, которого еще вчера я назвала бездушным ублюдком.

– Я, Аманта Люмьерн, принимаю договор, – сказала я, положив ладонь Кирона рядом с собственной. – Сохраню тайну, не наврежу его телу и помогу закончить обряд в назначенный день.

Кольцо подтвердило обещание. Под нашими руками дрогнула бумага, а в глубине Чаши появились две тонкие линии – золотая и серебряно-черная. Они поднялись по внутренним стенкам, замерли друг напротив друга и погасли, не соприкоснувшись.

– Чаша услышала нас? – спросила я, отдернув руку.

– Скорее напомнила, что вы все еще связаны незавершенным кругом, – ответил Рекард и убрал договор под сюртук. – Теперь обещания придется выполнять.

За бронзовыми дверями раздался стук. Служитель предупредил, что сопровождающие начинают задавать вопросы, а у наследников остается меньше получаса для осмотра. Рекард снял печать с небольшой ниши возле стены, достал две чистые тетради и протянул одну Кирону, вторую мне.

– До возвращения в Башни вы объясните друг другу ближайшие обязанности и привычки, которые могут заметить родные, – распорядился он. – Начните с сегодняшнего вечера и завтрашнего утра.

– Подождите, – возразила я, принимая тетрадь. – Мы договорились помогать, но о занятиях речи не было.

– Договор не подскажет Вам, что говорить, когда отец Кирона потребует отчет верхнего дозора, – напомнил Рекард. – И не спасет Кирона, когда Эли снова заметит изменения.

Кирон открыл тетрадь, провел пальцем по первой чистой строке и посмотрел на расстегнутый ворот моего сюртука.

– Начнем с простого, Люмьерн, – произнес он, протягивая мне перо. – Перестань расстегивать мой ворот.

– Тогда ты первым научишься нормально улыбаться моим лицом, – ответила я и выхватила перо чуть резче, чем требовалось.

Рекард устало прикрыл глаза и прислонился к краю Чаши.

– Семь дней, – пробормотал он. – Мне уже кажется, что Чаша выбрала слишком долгий срок.

Глава 6. Как быть врагом

Аманта

Кирон положил тетрадь на край Чаши и разделил страницу вертикальной чертой. Слева написал часы, справа начал перечислять занятия, не оставляя между строками свободного места. Я заглянула ему через плечо и увидела утренний отчет, проверку западных опор, занятие с мечом, работу в архиве и вечерний обход накопителей. После каждого дела стояло имя человека, который должен был присутствовать, и короткое пояснение, каких вопросов от него ожидать. Моя собственная тетрадь оставалась пустой: я не знала, с чего начать рассказ о доме, где распорядок менялся всякий раз, когда Эли теряла ленту, бабушка задерживалась в саду или отец решал обсудить новости прямо за завтраком.

– Ты действительно живешь по такому расписанию каждый день? – спросила я, проведя пальцем вдоль исписанной страницы. – Здесь даже обед обозначен как «если позволит отчет».

– Отчеты не обязаны ждать, пока я закончу есть, – ответил Кирон и подвинул тетрадь ближе. – Завтра до рассветного сигнала ты спустишься в малую залу. Отец потребует сведения о западной опоре. Скажешь, что Рекард запретил работать с границей без сопровождения.

– И твой отец спокойно примет чужой запрет? – уточнила я, вспомнив, как он смотрел на меня возле защитного свода.

– Не примет, но спорить станет с Рекардом, а не с тобой, – объяснил Кирон, постукав пером по первой строке. – Не пытайся оправдываться и не рассказывай, что чувствовала во время отдачи. Ему нужны причины нарушения, расход силы и срок восстановления. Все остальное он сочтет попыткой скрыть ошибку.

– У вас в семье все разговоры похожи на допрос? – спросила я и заметила, как пальцы Кирона остановились над бумагой.

– За ужином иногда говорят о погоде, – ответил он после недолгого раздумья. – Обычно перед обсуждением состояния верхней границы.

Я ожидала усмешки, но Кирон говорил серьезно. В моем доме за столом спорили, перебивали друг друга и передавали Эли варенье. У Ноквейнов любое действие походило на приказ.

– Твоя мать тоже участвует в отчетах? – спросила я, забирая у него перо.

– Нет, но замечает больше отца, – предупредил Кирон и проследил, как я пишу на свободной странице слово «завтрак». – Не благодарит слуг вслух, не задает вопросов, ответы на которые уже есть в документах, и никогда не касается меня без причины. Если она спросит о самочувствии, отвечай коротко. Если повторит вопрос, значит, заметила ложь или перемену.

– Прекрасная семья, – пробормотала я и добавила под завтраком имена родителей, брата, бабушки и Эли. – Теперь слушай внимательно. Утром сестра снова придет в мою спальню, и запертая дверь ее не остановит. Не отодвигайся, когда она ляжет рядом, и не отправляй ее в детскую после первой же фразы.

– Сегодня она ударила меня коленом в живот и забрала половину одеяла, – возразил Кирон и потер бок. – Потом потребовала обнять ее, хотя я едва успел понять, где нахожусь.

– Потому что я всегда ее обнимаю, – напомнила я, отодвигая тетрадь. – Эли пять лет, она не состоит в заговоре Люмьернов и не пытается выведать военные тайны Темной Башни.

– Я уже пришел к подобному выводу, – сухо ответил он. – После того как она сообщила всей семье, что я смотрю как злочка.

Я открыла следующую страницу и написала сверху «нижние печати». После завтрака отец мог снова отправить наследницу на осмотр, поэтому Кирону требовалось запомнить хотя бы главный порядок: сначала замыкается внешний круг, потом проверяется поврежденный узел. К внутренней линии нельзя направлять силу, пока соседние знаки не отрезаны от общего потока.

– Жаль, что я не знал об этом до того, как меня поставили над разломом, – заметил Кирон, рассматривая нарисованную мной схему.

– Вряд ли можно было предугадать, что мы поменяемся телами, – сказала я, рисуя схему. – Если услышишь голос, не отвечай и не пытайся разобраться, что он обещает. Сразу зови старшего Хранителя.

– Я не собирался разговаривать с тварью под полом, – ответил Кирон, но схему перечитал дважды и только потом перевернул страницу.

Рекард отошел к дверям и негромко попросил служителя дать нам еще четверть часа. За бронзовой створкой ответили недовольным голосом, но спорить с наставником Ноквейнов не стали. Кирон тем временем записал имя Эли и нарисовал рядом маленькую птицу, больше похожую на наконечник стрелы.

– С птицей тоже придется разобраться, – сказал он, поворачивая тетрадь ко мне. – Покажи правильный знак.

– Моей рукой теперь управляешь ты, – напомнила я, вставая напротив. – Подними ладонь и не сжимай пальцы так, словно собираешься перерезать кому-нибудь горло.

Кирон недовольно ослабил пальцы. Я велела ему собрать свет возле запястья, провести поток к указательному пальцу и подумать не о защите, а о чем-нибудь легком. На его ладони появилась золотая нить, свернулась в небольшое туловище и выпустила два острых крыла. Птица вспорхнула, сделала круг над Чашей и замерла возле плеча Рекарда, удерживаясь в воздухе слишком неподвижно для живого создания.

– Она выглядит так, будто собирается охранять Эли от покушения, – заметила я, обойдя птицу сбоку. – И почему она золотая? Сестра всегда просит розовую.

– Свет есть свет, – ответил Кирон, направляя создание обратно к себе. – Какая разница, какого оно цвета?

– Для пятилетней девочки – огромная. Добавь немного красного и перестань управлять каждым взмахом. Птичка должна играть с ней, а не сопровождать на казнь.

Кирон изменил поток. Золотой свет стал розовым, но птица тут же рванулась вперед, ударилась о край Чаши и рассыпалась искрами. Несколько огоньков упали на записи Рекарда, и наставник молча смахнул их рукавом.

– К утру научишься, – заверила я, стараясь не рассмеяться при виде раздражения на собственном лице. – В крайнем случае скажи Эли, что птица устала после обряда.

– А что делать с бабушкой, она очень внимательна, – напомнил Кирон и закрыл ладонью золотую нить, готовую вспыхнуть снова.

– Бабушка следит за всеми, но вопросы задает лишь тогда, когда уже знает половину ответа, – предупредила я, загибая палец за каждым правилом. – Не спорь с ней, не пытайся перевести разговор и никогда не говори, что прекрасно себя чувствуешь. Она сразу решит, что ты что-то скрываешь.

– Значит, рядом с твоей бабушкой лучше вообще не открывать рот, – подытожил Кирон и записал возле ее имени несколько подчеркнутых слов.

– Молчание она заметит еще быстрее, – предупредила я, положив перед ним свою тетрадь. – За завтраком отвечай свободно. Отец спросит твое мнение, брат обязательно возразит, даже если согласен, а мама попытается накормить тебя. Называй их отцом и мамой, а не господином и госпожой Люмьерн.

– Я не называл их господином и госпожой, – возразил Кирон, нахмурившись.

– Пока, – ответила я и указала пером на имена родителей. – А еще не смотри на моего отца так, будто ждешь приказа, и не отвечай матери полными фразами. Я говорю с ними свободно.

– Ты перебиваешь их, – уточнил Кирон, перелистнув тетрадь. – За сегодняшним завтраком твой брат трижды не дал отцу закончить мысль, мать разговаривала с Эли через весь

стол, а бабушка задавала вопросы, которые никто не хотел слышать. В вашей семье отсутствует порядок.

– Зато мы знаем друг друга, – ответила я резче, чем собиралась. – Если я прихожу расстроенная, мама замечает. Если брат злится, отец не ждет письменного отчета. А когда Эли боится, ее обнимают, а не отправляют обратно в комнату.

Кирон опустил взгляд на тетрадь. Рекард оставался единственным человеком, о котором он говорил без осторожности.

– Если Эли снова заберется в постель, просто обними ее, – повторила я уже спокойнее. – Никаких правильных слов не нужно. Она сама решит, когда вставать.

– А если она опять спросит, почему я странная? – поинтересовался Кирон, подняв на меня глаза.

– Скажи, что устала и все еще злишься из-за обряда, – посоветовала я, пожав плечами. – От меня подобного как раз ожидают. Только не обвиняй Ноквейнов слишком убедительно, иначе отец все-таки отправит письмо совету.

– Значит, я должен плохо обвинять собственную семью, но достаточно хорошо, чтобы Люмьерны поверили? – Кирон отложил перо и посмотрел на меня с недоверием.

– Наконец-то ты понял, как сложно быть мной, – ответила я и забрала у него перо.

Рекард вернулся к Чаше и сообщил, что сопровождающие ждать дольше не станут. Мы успели обменяться условными фразами для срочных сообщений: просьба прислать новый отчет означала вопрос о границе, упоминание поврежденной печати – необходимость немедленной встречи. Тетради пришлось оставить в запертой нише святилища, потому что ни одна семья не должна была увидеть записи о чужих привычках. Перед выходом Кирон заставил меня застегнуть верхнюю пуговицу сюртука, а я вытянула из его прически одну прядь и запретила поправлять ее до возвращения домой.

– Я выгляжу неопрятно, – возмутился он, потянувшись к волосам.

– Ты выглядишь как я, – исправила я и отвела его руку.

– Теперь понимаю, почему твоя служанка тратит на прическу половину утра, – проворчал Кирон, снова коснувшись выбившейся пряди.

– А я понимаю, зачем тебе двадцать одинаковых сюртуков, – ответила я, поправляя застегнутый ворот. – С выбором другого ты бы не справился.

Рекард открыл двери прежде, чем Кирон успел ответить. За порогом мы снова стали наследниками враждующих семей и разошлись к своим сопровождающим. Старший Хранитель Светлой Башни заметил выбившуюся прядь Аманты, но Кирон не поправил ее.

В малой столовой меня ждали родители Кирона. Его отец сидел во главе стола и читал отчет, Вирена Ноквейн, мать Кирона, просматривала письмо с печатью западного дозора. Для Рекарда места не приготовили, поэтому наставник проводил меня до дверей и ушел разговаривать с лекарем. Я заняла указанное Кироном кресло, положила руки на стол и резко вспомнила, что он всегда держит их на коленях. Исправить позу незаметно уже не получилось: мать подняла глаза от письма и проследила за движением.

– Служители нашли причину повреждений? – спросил отец, откладывая отчет рядом с тарелкой.

– Оборванная сила проходит через контуры обеих Башен, – ответила я заготовленной фразой. – Чаша откроется через шесть дней. До того времени границы продолжают слабеть, поэтому Рекард запретил мне работать со сводом без сопровождения.

Отец Кирона нахмурился при упоминании наставника, но объяснение принял. Слуга поставил передо мной тарелку и наполнил бокал водой. Я поблагодарила его. Слуга задержал руку с кувшином, мать Кирона опустила письмо, а отец посмотрел прямо на меня.

– Я чем-то Вас не устраиваю, господин? – осторожно спросил слуга, решив, что благодарность скрывает недовольство.

– Нет, все в порядке, – ответила я и взяла вилку. – Можете идти.

Слуга поклонился и покинул комнату, а мать продолжила наблюдать за мной. Я заставила себя не трогать ворот, не искать глазами Рекарда и не задавать вопросов, однако молчания хватило ненадолго. Возле руки отца лежал утренний список пострадавших, и я вспомнила молодого Хранителя, отшатнувшегося от площадки после моего неверного удара.

– Как чувствует себя Хранитель? – спросила я, кивнув на отчет.

– Лекарь не обнаружил серьезных повреждений, – ответил отец, даже не взглянув на бумаги. – Завтра он вернется на пост.

– Завтра? – переспросила я, вспомнив побледневшее лицо мужчины. – Ему следует дать хотя бы день на восстановление.

– Он сам отказался от отдыха, – сообщил отец и сложил руки перед собой. – Почему тебя волнует решение рядового Хранителя?

– Потому что он пострадал из-за моего приказа, – ответила я, прежде чем успела выбрать слова Кирона. – Я направил силу неправильно, а удар принял он.

Мать медленно положила письмо на стол. Кирон предупреждал, что она не повторяет вопросы, когда уже заметила перемену. Сейчас она вовсе ничего не спросила, но ее взгляд стал внимательнее.

– Ты никогда не обсуждаешь ошибки перед слугами, – произнес отец и посмотрел на закрывшуюся дверь. – И тем более не принимаешь на себя вину, пока разбор не закончен.

– Слуга ушел, – напомнила я, чувствуя, как ворот снова начинает давить на горло. – А разбор не изменит того, что произошло у опоры.

– Святилище сделало тебя непривычно мягким, – заметила мать. Она взяла бокал, но пить не стала. – Утром ты потерял контроль над силой, вечером благодаришь прислугу и беспокоишься о человеке, имя которого прежде не спрашивал. Что произошло за закрытыми дверями?

Кирон велел отвечать ей коротко. Я опустила руки на колени и постаралась вернуть его неподвижное выражение.

– Я провел день, наблюдая последствия незавершенного обряда, – ответила я после короткой паузы. – Возможно, раньше мне следовало внимательнее относиться к людям, которые исправляют мои ошибки.

– Ошибки исправляет наследник, а Хранители выполняют его приказы, – возразил отец, отодвигая тарелку. – Если начнешь сомневаться перед каждым решением, верхняя граница погубит гораздо больше людей, чем одна сорвавшаяся опора.

– Забота о них не мешает принимать решения, – ответила я, уже понимая, что должна замолчать. – Возможно, помогает помнить, ради кого мы держим границу.

Родители Кирона переглянулись. Мать вернулась к письму, а отец велел утром явиться на повторную проверку контроля. До осмотра он запретил мне самостоятельно подходить к своду и потребовал присутствия Рекарда.

Я согласилась. Нужно сопровождение удалось получить, но родители уже подозревали неладное.

В коридоре Рекард ждал возле окна.

– Вы продержались меньше четверти часа, – сказал наставник, открывая дверь в покои наследника. – Даже я ожидал большего.

– Я поблагодарила слугу и спросила о раненом Хранителе, – призналась я, заходя следом. – Если проявление вежливости кажется Ноквейнам признаком болезни, виновата не я.

– Вежливость их не встревожила. Я так понимаю, Вы начали спорить, – сказал Рекард. – Вы признали ошибку перед отцом Кирона и заговорили о людях, которых он считает частью службы.

– Хранители не часть стены, – возразила я, бросив защитный ремень на стол. – Они могут уставать, бояться и получать ранения.

– Я знаю, – спокойно ответил Рекард и закрыл дверь. – Кирон тоже знает. Только он не говорит об этом с родителями, и никогда с ними не спорит.

Я хотела напомнить, каким бессердечным выглядел его ученик возле Чаши, но промолчала.

– Его мать спросила, что случилось за закрытыми дверями святилища, – сообщила я, снимая защитный ремень. – Она не поверила объяснению.

– И не поверит завтра, если Вы продолжите менять Кирона, – предупредил Рекард. – Договор запрещает вредить его телу, но репутация тоже принадлежит ему. Постарайтесь оставить хотя бы ее в прежнем состоянии.

– Я не собираюсь становиться жестокой ради хорошей игры, – сказала я, выдержав его взгляд.

– Жестокость не требуется, – ответил Рекард, направляясь к двери. – Иногда достаточно промолчать.

Рекард ушел, оставив меня одну. Я подошла к окну и посмотрела на Светлую Башню, где Кирон сейчас проходил собственную проверку. Хотелось надеяться, что он справляется лучше, но я вспомнила Эли, розовую птицу и привычку Ноквейна отвечать на семейные вопросы как на допросе. Скорее всего, спокойного вечера не будет ни в одной Башне.

Кирон

По дороге из святилища я повторил советы Аманты. Отец требует честного мнения. Мать замечает настроение раньше слов. Брат спорит из привычки. Бабушка знает, когда ей лгут. Опаснее всех оставалась Эли: она помнила каждое обещание сестры.

Люмьерны ждали меня в гостиной. Отец стоял возле камина, старший брат читал сообщение из святилища, мать помогала Эли распутать ленту на рукаве. Бабушка сидела немного в стороне и первой посмотрела на выбившуюся прядь. Я вспомнил запрет Аманты, убрал руку от волос и подошел к семье.

– Служители подтвердили связь нарушений с обрядом? – спросил отец, забирая у меня письмо.

– Да. Сила вернется к Чаше через семь дней с момента проваленного ритуала, и тогда мы с темным должны закончить начатое, – ответил я. – Оставшиеся дни Вы усиливаете наблюдение за нижними печатями и не допускаете меня к ним без сопровождения.

– Я усиливаю? – переспросил отец, оторвавшись от письма.

Аманта предупреждала, что разговаривает с отцом свободно, но я слишком поздно понял, какого ответа он ждал.

– Мы усиливаем, – исправился я. – После утреннего нарушения другого решения нет.

– Конечно, – произнесла бабушка, продолжая рассматривать меня. – Просто раньше ты не обращалась к отцу так, будто зачитываешь приказ совета.

– Я устала, – ответил я и сразу вспомнил второй совет Аманты: никогда не ограничиваться подобной фразой перед бабушкой. – В святилище пришлось долго обсуждать состояние контуров.

– Тогда тебе нужно поесть, – вмешалась мать и коснулась моей щеки тыльной стороной ладони. Я едва не отступил, но вовремя удержался. – Ты с утра ничего не съела.

– Благодарю, со мной все в порядке, – произнес я, и брат Аманты поднял голову от письма.

– Благодарю? – переспросил он с усмешкой. – Ноквейн за несколько часов научил тебя придворным манерам?

– Если бы Ноквейн умел прилично разговаривать, наш обряд завершился бы вчера, – ответил я, стараясь придать голосу раздражение Аманты.

Брат рассмеялся, отец вернулся к письму, а мать направилась распорядиться об ужине. Только бабушка не отвела глаз. Я уже собирался подняться в спальню, когда Эли подбежала и потянула меня за рукав.

– Ами, теперь птичка отдохнула? – спросила она, раскрыв ладони. – Ты утром обещала, что потом сделаешь.

Я такого не обещал, но опустил перед Эли и поднял ладонь. Тело сохранило недавнее движение: золотая нить окрасилась в розовый и превратилась в птицу. На этот раз оба крыла получились одинаковыми, а хвост не напоминал лезвие.

– Р-розовенькая! – обрадовалась Эли и подставила плечо. – Пусть полетает вокруг меня.

Я направил птицу по ровному кругу. Она трижды облетела девочку на одной высоте, развернулась над ее головой и остановилась возле моей ладони, ожидая следующего приказа. Эли проводила ее взглядом, но радость быстро сменилась недоумением.

– Она сердитая, – решила девочка и осторожно коснулась светлого крыла. – Почему не играет?

– Птицы не бывают сердитыми, – ответил я, пытаюсь ослабить контроль над заклинанием. – Она выполняет задачу.

– Твои птички не выполняют задачи, – возразила Эли. – Они щекочутся.

Эли подвинула палец ближе, и создание неожиданно клюнуло ее в ноготь. Девочка отдернула руку, брат громко рассмеялся, а я едва удержал птицу от нового нападения.

– Видимо, после обряда она тоже не в настроении, – произнес я и разжал пальцы. Птица рассыпалась розовыми искрами, которые осели на волосах Эли. – Завтра будет лучше.

– Утром ты тоже сказала, что птичка будет потом, – напомнила сестра и нахмурилась почти как Аманта. – Раньше они у тебя получались хорошие.

Бабушка поднялась с кресла и подошла к нам. Она убрала искру с волос Эли, затем взяла меня за руку и повернула ладонь вверх. Красные следы после нижней печати еще не исчезли.

– Обряд изменил не только твои птички, – заметила она, проводя пальцем возле ожога. – Ты держишь свет иначе.

– После отдачи сила плохо подчиняется, – ответил я и осторожно освободил руку.

– Хорошо, – ответила бабушка. – Но завтра я сама проверю, насколько сильно изменился твой контроль.

Я кивнул и велел Эли готовиться ко сну. Девочка не ушла и продолжала держаться за мой рукав.

– Теперь что? – спросил я тише, наклонившись к ней.

– Ты отведешь меня, – объяснила Эли, удивившись вопросу. – И расскажешь про принцессу, которая прогнала болотного короля.

Аманта не упоминала сказку. Я посмотрел на бабушку, но она ждала ответа вместе с девочкой и помогать явно не собиралась.

– Сегодня сказки не будет, – решил я, надеясь сослаться на усталость. – Мне нужно изучить отчет святилища.

Эли отпустила рукав, опустила голову и пошла к матери. Я позвал ее обратно.

– Подожди, – позвал я и протянул Эли руку. – Я провожу тебя. Про болотного короля расскажешь сама, пусть сегодня будет твоя очередь.

Девочка сразу улыбнулась и вложила пальцы в мою ладонь. По дороге в детскую она успела объяснить, что болотный король украл голоса у семи деревень, принцесса отправилась за ним без рыцарей, а Аманта остановилась позавчера на говорящей лягушке. Мне оставалось задавать короткие вопросы и не противоречить самым нелепым подробностям. К концу рассказа Эли уже клевала носом, поэтому я уложил ее, поправил одеяло и направился к двери.

– А поцеловать? – сонно напомнила она, приоткрыв один глаз.

Я вернулся, неловко коснулся губами ее лба и сразу выпрямился. Эли поймала меня за руку прежде, чем я успел уйти.

– Ты все еще странная, Ами, – прошептала она. – Но уже не такая сердитая.

В коридоре меня ждала бабушка. Она стояла возле окна и смотрела на темный силуэт второй Башни, возвышавшийся над западной частью Вестана. Пройти мимо не получилось: пожилая женщина загородила половину коридора тростью и указала на скамью у стены.

– Сядь со мной, дитя, – попросила она, хотя тон не оставлял возможности отказаться.

Я занял место с краю, сохраняя обзор лестницы и ближайших дверей. Бабушка села рядом, положила руки на трость и некоторое время молчала. Чем дольше она не задавала вопросов, тем сильнее хотелось первым закончить разговор.

– Вы хотели о чем-то спросить? – не выдержал я.

– Хотела понять, почему моя внучка второй раз за вечер обращается к родным на «Вы», – ответила она и повернула ко мне голову. – Утром ты не обняла Эли, за завтраком неожиданно защитила Ноквейнов, возле печати забыла порядок, которому сама учила брата, а сейчас сидишь у выхода и следишь за дверями. Расскажешь, что случилось после обряда?

Бабушка следила не за словами. Она запомнила каждый мой промах и ждала.

– Возле Чаши я потеряла контроль и едва не погубила общий контур, – произнес я после короткого раздумья. – Теперь границы слабеют, а скоро мне снова придется встать напротив Кирона. Я не знаю, удастся ли закончить обряд. И я виновата в случившемся, этого недостаточно?

Бабушка долго смотрела мне в лицо, затем подняла руку и освободила прядь, которую я все-таки заправил за ухо во время рассказа Эли.

– Достаточно, чтобы испугаться, разозлиться или замкнуться, – согласилась она. – Но ты не замкнулась. Ты начала вести себя так, будто попала в незнакомый дом и боишься нарушить его правила.

– Вы ищете тайный смысл в обычной усталости, – ответил я, поднимаясь.

– А ты снова сказала «Вы», – спокойно заметила бабушка и не стала удерживать меня. – Иди отдыхай, Ами. Завтра поговорим после проверки печатей.

Я дошел до спальни и запер дверь. Утром предстояло показать семье Аманты магию, которой я не умел управлять.

Подойдя к окну, я посмотрел на Темную Башню. На верхних ярусах горели серебряные линии, слишком яркие для обычного ночного дозора. Одна из них погасла, а потом вспыхнула снова, но тревожного сигнала пока не последовало. Но он будет. И когда прозвучит тревога, наверх поднимется Аманта – с моей силой, которой она почти не умеет пользоваться.

Глава 7. Угроза с небес

Аманта

Рекард вернулся, когда я уже собиралась снять сюртук и лечь. Он вошел без стука, плотно закрыл дверь и разжал ладонь. Над его пальцами поднялась золотая птица с неровными крыльями и слишком большим клювом. Кирон все-таки сумел повторить мое заклинание, хотя его создание больше походило на сердитого воробья. Птица повернулась ко мне и произнесла моим голосом: «На верхнем ярусе дважды погасла внешняя линия. Предупреди Аманту», после чего рассыпалась искрами.

– Значит, он все же научился делать птиц, – произн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.